

84(ерос=Мэис)

Андрей Тарханов

К Т 22

М 82

ПАСХАЛЬНЫЙ
ДЕНЬ

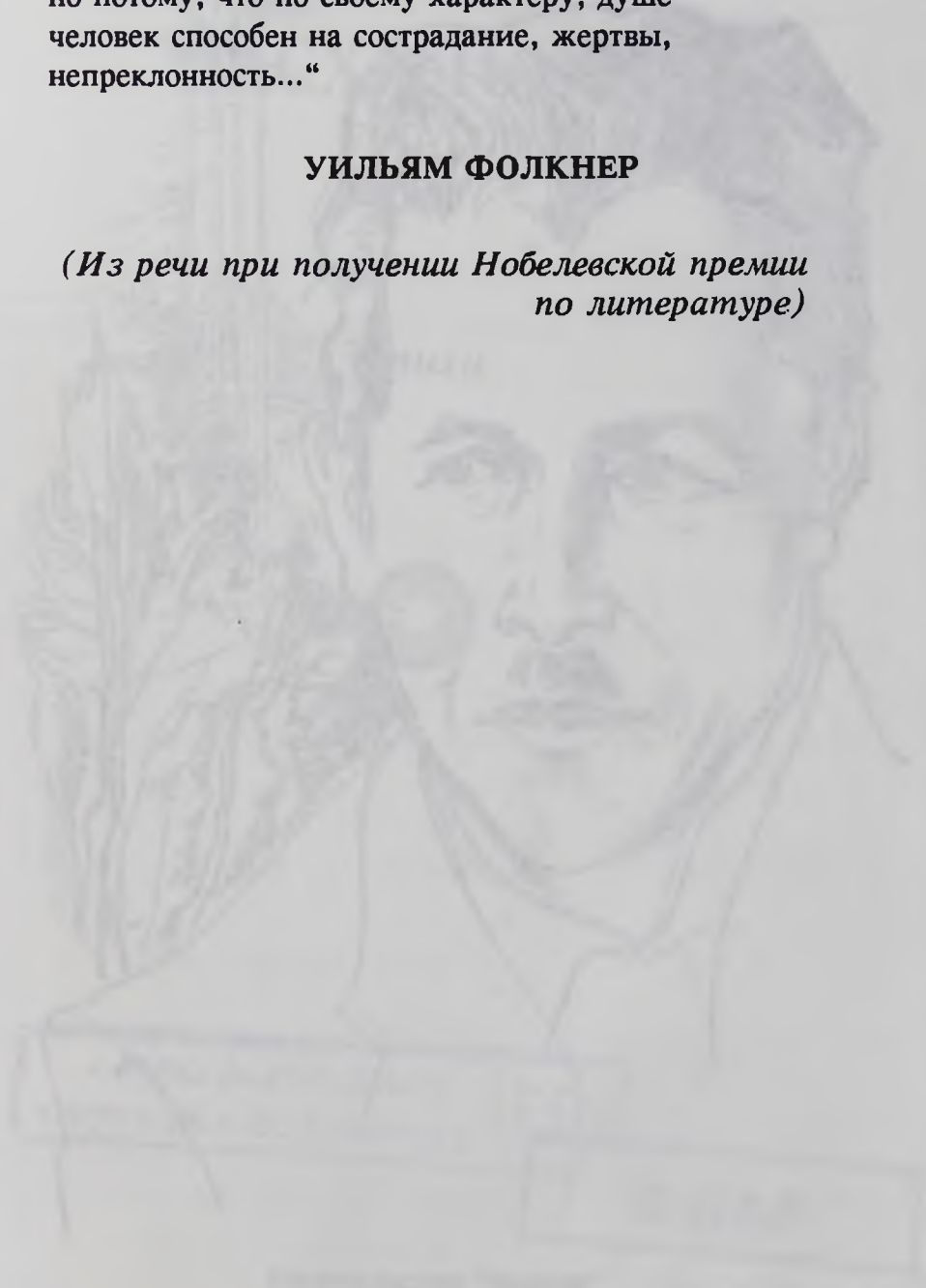

“Я верю, что человек не просто выстоит,
он восторгается. Он бессмертен не потому,
что никогда не иссякнет голос человеческий,
но потому, что по своему характеру, душе
человек способен на сострадание, жертвы,
непреклонность...”

УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР

*(Из речи при получении Нобелевской премии
по литературе)*

Андрей Тарханов

ПАСХАЛЬНЫЙ
ДЕНЬ

стихи

анты-марсийская
окружная библиотека

КО

В ДАР

Издательство "Мария"

1993 год

- 43648-2

К ББК 84.3 Манс. 7

Т 21

M82

Т 21 Тарханов Андрей. Пасхальный день: Сб. стихотворений. — М.: “Мария“, 1993 — 208 с., с илл.

Новый поэтический сборник Андрея Тарханова — это лирический дневник, в светлых тонах которого нашли естественное сочетание гармония мысли и чувств, исповедальность интонаций, многозначность образов.

Т 4702010202-074 без объявл.
М158(03)-93

© А. Тарханов. 1993.

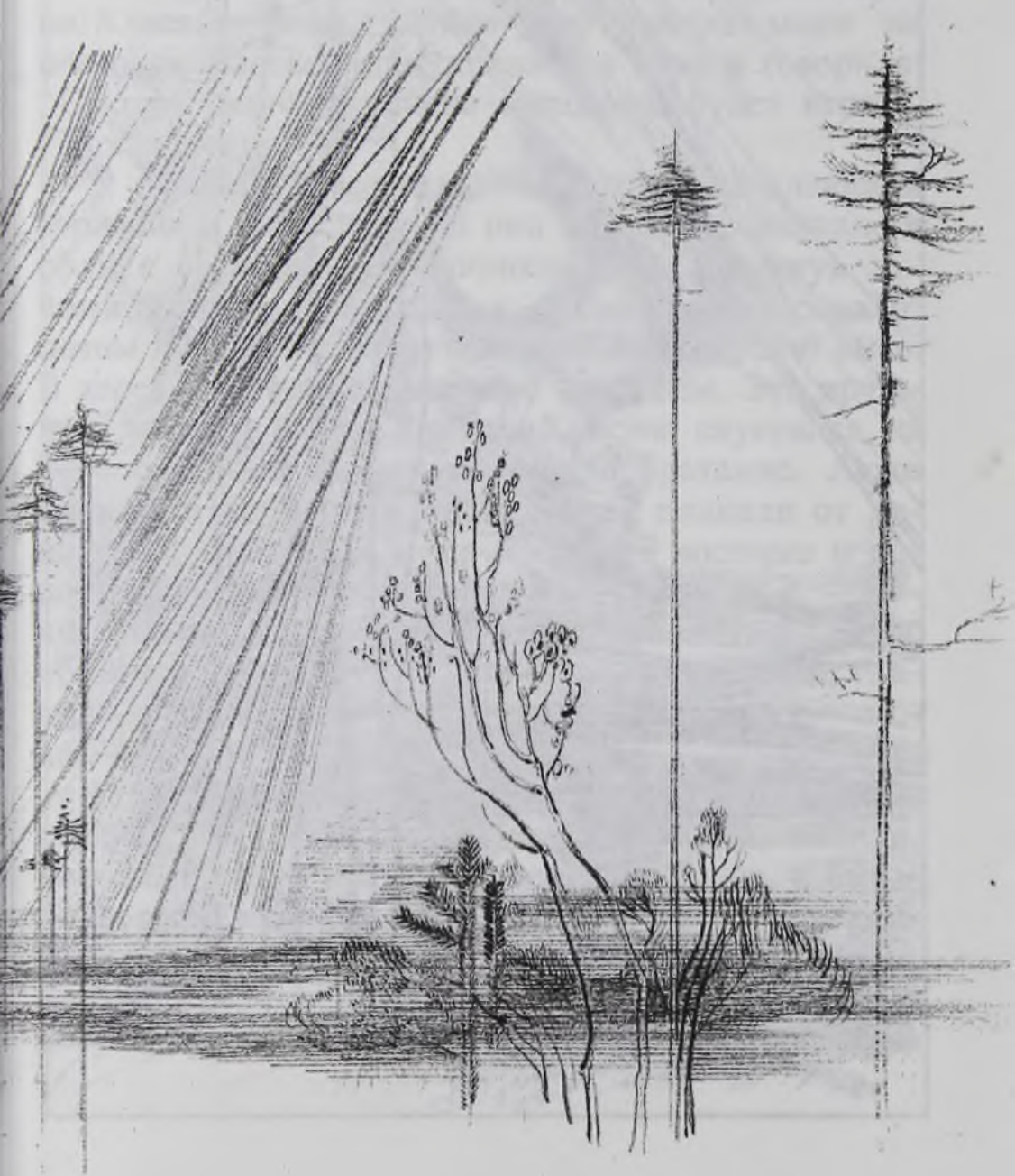
© Издательство “Мария“.

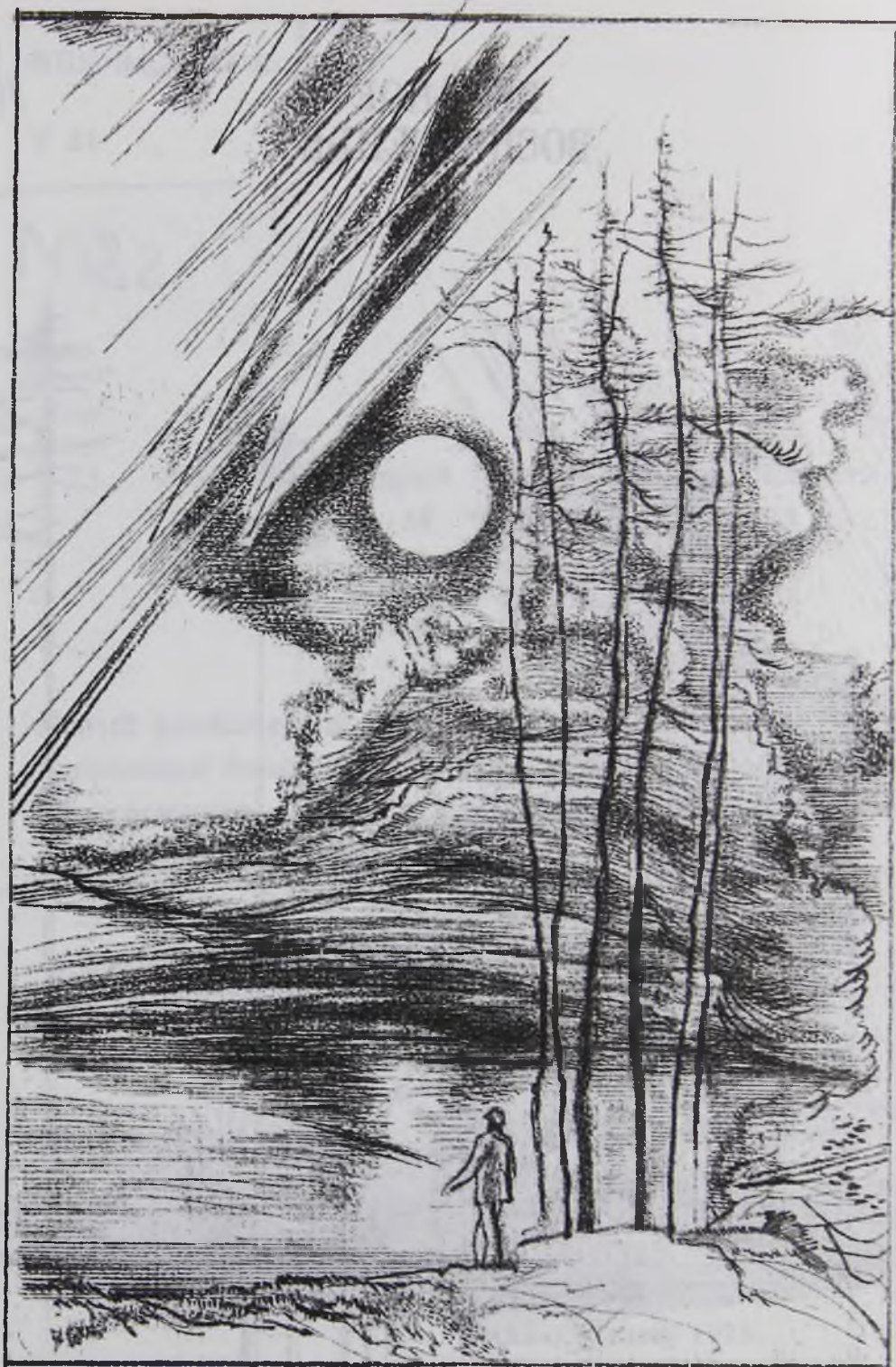
Подготовка макета. 1993.

© Л. Бирюков. Художественное оформление и иллюстрации. 1993.

ISBN 5-87449-004-3

**ВЕРБНОЕ
ВОСКРЕСЕНЬЕ**

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Самый удивительный для меня праздник из детства — Пасха.

Помню: моя бабушка, мансийка Матра (Матрена) Александровна, раным-рано садила меня на широкую лиственничную лавку у окна и говорила: “Смотри, внучек, сейчас солнышко будет играть. Пасха сегодня”.

Я распахнутыми глазами смотрел на алеющий горизонт и ждал чуда. И оно приходило вначале в облике огненного загадочного шара. Брызнув лучами, солнце покачивалось, словно приплясывало, потом плавно взлетало в зеленовато-голубую высь. В деревне гремели ружейные выстрелы. Эти дружные залпы в честь Христа. Христос спустился на Землю. После залпов наступало братание. Люди обнимали друг друга, целовались, плакали от радости. Я находился в эти минуты в восторге и недоумении. “Бабушка, бабушка, — говорил я. — Дядя Егор с дядей Иваном вчера дрались, а сейчас обнимаются”. Бабушка, сияющая, счастливая, гладила меня по голове: “Сегодня все люди — братья”.

И действительно, в Пасху никогда не было в деревне драк или ссор. Крашеные яйца, качели, народные песни и музыка, пенье скворцов, а бывало и гром ледохода — все это действия долгожданного Пасхального дня. Это был праздник веры, праздник мечты, праздник высоких порывов души человеческой. В таком благородном нравственном

назначении я принял Пасху, уже будучи взрослым.

Но, отдавая дань уважения и почитания Пасхе, другим христианским праздникам, мои сородичи, манси, не забывали блюсти также унаследованные от своих предков, древние языческие ритуалы: приношение даров идолам, обращение к языческим духам и т.д. Когда-то в каждом доме нашего селенья висела икона. Вместе с тем близ каждого жилища находился шайтанский амбар. Обретя в свое время христианскую веру, мы сохранили и язычество. Об этом я сказал так:

Христианин я

и язычник.

Меня крестили в Иртыше.

И по судьбе своеобразной —

Две веры у меня в душе.

Язычество дарило нам живую, одухотворенную связь с тайгой, с каждым деревом. Христианская вера возвышала, звала в небо, звала к братству людей. Олицетворением этих великих животворных начал является для меня Пасха.

Мансийский поэт Андрей Тарханов

ЧУДАКИ

Люди — дети...

(Из разговора)

Да, конечно, люди — дети,
Забияки, мотыльки, —
Так вредят себе на свете,
Что воскликнешь: чу-да-ки!
Даже после горькой тризны
Мы живем, себя хваля...
Будят нас на праздник жизни
Солнце, реки и поля.
Улыбаются березы
У проселочных дорог.
Мать с рожденья

сына просит:

“Благородным будь, сынок“.

Но... дурные наши страсти

Выше чести и любви.

Потому кругом ненастье,

Потому закат в крови.

Вместо радости —

угрозы,

И щетинятся штыки.

Люди, люди,

я сквозь слезы

Говорю вам: чу-да-ки!

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ

Каждый день я хожу на Казанский вокзал.
Он шумит, словно в бурю разгневанный вал.
Тыщи судеб!

Коснуться бы каждой плеча,
О страданиях, о радостях миру крича.
Этот дядя все ищет,

где жизнь сахарин.

Эта бабка торопится на Сахалин.
Вся в печали она.

А в ее-то летах

Да при сыне московском —

ходить бы в мехах!

Что меха!

Ей бы сына улыбчивый взгляд.
Но любимый сыночек мамаше не рад.
Стала лишней в богатой квартире она,
И пошла на вокзал бабка Фрося одна.

Ой, Казанский вокзал! Ой, Казанский вокзал!
Ты надежд, и любви, и отчаянья вал.

Вот веселый грузин.

Вот печальный эвен.

Рядом в карты гадает цыганка Кармен.
Плачут дети, и ругань, и смех, и галдеж.
Только через вокзалы Россию поймешь.

Все куда-то мы едем, спешим и спешим,
От Карпат к океану,
обратно — в Ишим.
И головушку склоним в безымянном краю.
Что мы ищем?

И правду, и веру свою.

К ДРУГУ

Кому ты нужен, друг-мыслитель:
В миру все меньше добрых слов.
Ты как инопланетный житель
В среде ханжей и хитрецов.

Ты смотришь в небо, смотришь в дали,
Ты словно ждешь какой-то зов.
И белый парус у причала
Тебя уже принять готов.

Твою бы разделить мне долю!
Но я ступил за ту черту,
Где нет беспечности и воли,
Где чаще смотрят в высоту.

Прощай!

Ищи покой в просторах,
Своей романтикой храним.
Я для высот людского горя
Сейчас, мой друг, необходим.

Как зелена сегодня луговина!

И парус бел,

и ласкова волна.

Она уже кувшинки напоила,

Она уже, как я,

душой вольна.

Я уплыву далеко, луговина,

На поиск Бухты веры и любви.

Ни в чем, как мать,

поверь, ты не повинна,

Меня зовут, зовут мечты мои.

Горят пути за мною, луговина.

Крепчает ветер, мачту накрена.

Ты вспоминай, прошу, утрами сына,

Ты вспоминай печального меня.

ДУМА О ДАЛЬНОМ

*Памяти замечательного человека
и писателя В. С. Пикуля*

О, первый запах трав и почек,
И горьковатый дух земли!
И сердце снова в небо хочет,
Туда,
 где плачут журавли.

Здесь, у гостиницы “Россия“,
У стен Кремлевских на виду
Гляжу с улыбкою мессии
На иностранную толпу.

Она галдит, она хохочет.
О чем ей, собственно, тужить!
Своей раскованностью хочет
Нас удивить и покорить.

Но... не понять ей нашей думы.
Уж таковы мы по судьбе, —
Поют о мире наши струны,
Лишь забывая о себе.

И я, мятежный сын Природы,
Как Достоевский, жив мечтой —
И небеса, и все народы
Спасутся только красотой.

Стерплю за веру оскорбленья.
Но я боюсь за тех людей,
В ком нету чувства вознесенья,
В ком нет любви к земле своей.

К НЕЗНАКОМКЕ

Дождь.

Не будет просвета на небе сегодня.

Образ нежный, как чайка,

остался вдали.

Ночевал я вчера,

жизнь,

в твоей преисподней,

Чувства жалости к людям туда привели.

В этот мрачный барак.

Но твою, незнакомка,

Красоту

никому, никогда не затмить.

Я пришел —

и запели скворцы мои звонко,

Значит, надо и нам о любви говорить.

Не смущайся,

взгляни хорошо и открыто,

Как с картины Крамского,

ты гордо взгляни.

И проснется в душе все,

что было забыто,

И закружат тебя

детства светлые дни.

Я пришел.

Так поднимем за встречу бокалы,

Чтоб от тихого звона

качнулись дворцы,

Чтоб не стало бараков

и горькой печали,

Чтоб во сне проклинали себя подлецы...

Что за век!

Хоть пиши по-рублевски иконы.

Космонавты —

в загадочных даях небес.

А на грешной Земле

и бараки, и зоны...

И растет для великого Здания

лес.

А снег не тает,
 Снег горит.
 Багрово-языкаты блики.
 Костер о звездах говорит.
 А ночь,
 А ночь черней черники
 По-за костром,
 Где спит ручей
 Под куполом хрустально-тонким.
 Каких мне ждать сейчас вестей,
 Скажите, зябкие потемки?
 И для чего я запалил
 Костер —
 Свой вызов темным далям?
 Чтоб кто-то вдохновенно жил,
 Чтоб там, где ночь,
 Скорей светало.
 Я вижу — милая идет,
 Ее страданий и сомнений
 Я растоплю январский лед
 И праздник подарю весенний.
 Пылай, костер!
 Под небеса
 Умчатся искры,
 Ночь уходит.
 И зреет теплая гроза,
 И солнце огненное всходит.

НОЧНОЙ ПОЕДИНОК

Ю. М. Нагибину

Я с лесом один на один.
От божеской зябко усмешки
Живущих на небе вершин,
Не знающих горя и спешки,

Уж сутки вторые иду.
Потеряна к дому дорога.
Вещают деревья беду,
И в сердце стучится тревога.

Я сверху кажусь муравьем,
Смешной заплутавшей букашкой.
Мелькает порой окоем
Тонюсенькой огненной плашкой.

А вот и погас окоем.
И звуки, и шорохи всюду.
Скрипит, как протез, бурелом,
Очнулся какой-то Иуда.

И жутко хохочет сова,
И сердце заходится в стуче.
Спешите на помощь, слова,
Вы тоже нуждаетесь в друге.

Читаю, читаю стихи
Под хохот каких-то чудовищ.
Пылают, пылают стихи,
И солнце идет мне на помощь.

А чаща ворчит и скрипит.
Луч солнца уж рядом, похоже.
О, как он слепяще горит!
И... тают мурашки на коже.

И ликом деревья ясны.
И ветка ласкает мне щеку:
Пройди-ка до той вон сосны —
И к дому увидишь дорогу.

Тени мерцающе с веток упали,
Тени живут на снегу.
Эти искристо-зеленые шали
Мне бы поднять, —
Не могу.
Я заведу разговор удивленный
С тенью косматых ветвей —
Кедром священным
В детстве крещенный
Сказочник и ворожей.
Ветка кедровая, линии, искры,
Чей-то испуганный взгляд.
Ваши, деревья, весенние мысли
Нынче со мной говорят.
Видите, люди:
Клокочут овраги,
Парус готовит Весна.
Здравствуйте, верба и чувство отваги!
К черту полутона!
Непониманье весеннего буйства
Тает в холодных умах.
Руку, любовь!
Вознесение чувства
В наших сердцах и глазах.

ПАСХА

В Пасхальный день душой обнажены,
Мы встретиться с тобою, друг, должны.
И в синий час на берегу реки
Мы встретились наветам вопреки.
Дай руку мне.

Сначала посмотри
На странный лик над пламенем зари.
Печален он.

Глаза в потоках слез.
Неужто это... Иисус Христос?
Скорбит он каждой клеточкой души:
Земля опутана туманом лжи.
Растет вражда народов и племен.
Спасти бездумных разве в силах он?
А солнце огненное, став на горизонт,
Раскрыло вдруг свой лучезарный зонт.
И грянули кругом колокола.
— Христос воскрес! — молва с небес пришла.
И понял каждый —

братства день настал,
И плача в небо руки простирал.
Пасхальный день, спаси от мук, вражды.
Земля устала. Это знаешь ты.

*“... звезды... все они—только покров,
и за этим покровом сквозит Прекрасное”.*

А. Блок

Угасает закат.
И на огненном плесе
Огнегривые кони летят и горят.
Не смыкай свои очи,
И выпадут росы
Все оттуда,
Где вечные звезды парят.
Скинем с тайны покров,
Пусть умрем мы за это.
Но Прекрасное стоит, конечно, того.
И родится ребенок грядущего лета
У Весны.
И на сердце,
Как в небе Прекрасном,
Легко.

УМЕРШИЕ ДЕРЕВНИ

(Из поэмы "На последнем берегу")

В Семенов бор ведет дорога.
Но где же он?! — в груди тревога.

Стояли сосны тут стеною,
Я кроны в памяти храню.
Но словно здесь Мамай с ордою
Прошел и предал все огню.

Сосенок тридцать пять, не боле,
Да кучи сучьев и гнилья.
Нельзя смотреть на это поле
Без возмущения и боли.
Да где ж хозяин и судья?!

Дорога заросла травой,
Я в Карагаево¹ иду.
И память детства за собою —
Коня послушного — веду.

Деревня на бугре зеленом,
Песчаный берег и река.
А за деревнею, за полем, —
Леса, леса, а там — луга...

О щедрый край! Зверей и дичи
Полно под звездами хвои.
Но все равно мы будем нищи,
Коль нету в памяти любви.

¹ Карагаево — мансийская деревня.

О глупые люди! — ни дня без войны.
Себя уничтожить вы скоро должны“.

И губы сомкнулись. Истерзанный раб
Смотрел, как хозяин, на вымерший Тап.

С печальными тенями что говорить!
Живым полагается яростно жить.

Я в Терез¹ приехал. А Терез молчит.
В осоке баркас одинокий лежит.

И где следопыты? И где рыбаки?
О том не расскажут стрижи, кулики.

У Белого Яра¹ всегда хорошо.
Черемухи много, вольготно, свежо.

И глина обрыва белей молока.
“Ой, снегу-то!..“ — крикнешь ты издалека.

И плавают селезни за тальником.
Чего бы не жить здесь?

Но пусто кругом.

Я в Рахтину¹ ночью приехал. Кресты
Чернели при свете луны у воды.

Тут берег подмыло, тут водоворот.
Прощайте! И тихо плыву я вперед.

Заря запылала, открыв Панкутал¹.
Он пляскою бубна обычно встречал.

¹ Терез, Белый Яр, Рахтина, Панкутал — мансийские деревни.

И прыгали маски, подарки неся,
Веселыми криками духам грозя.

И в ножнах нарядных качались ножи...
О Торум!¹ А нынче и здесь ни души.

Но что это? Кто-то на берег идет
И бубен, как хлеба буханку, несет.

Да это же дедушка Ивыр!
“Постой!” —
Кричит он и машет мне дряхлой рукой.

— Пася олын, атя!²

— Пася, пася, пыгрись!³

— Возьми этот бубен на память, сынок,
Храни, как осколок мансийских дорог.

Мне нечего больше тебе пожелать,
Приехал я утром сюда умирать.

— Да где же мансийцы, мои земляки?!

— Ты их сосчитаешь на пальцах руки.

На Сосьву-реку поезжай-ка скорей,
И там повстречаешь ты наших людей.

Т о р у м — верховный бог манси.

Здравствуй, отец!

Здравствуй, здравствуй, сынок!

“У нас нынче только поэты без охраны...”
(Из разговора)

Я поэт.

Потому без охраны

Мне положено быть на миру.

И живу, и люблю без обмана,

И встречаю рассветы в бору.

Я у кедров беру себе силы,

Отпускаю туман в высоту.

И однажды,

где кедры рубили,

Я на шальных людей набреду.

“Эй, поэт, — скажет парень угрюмый, —

Ты по воле сегодня нам

брат.

Нам отчаянной хочется думы

Про любовь,

про судьбу,

про закат.

Но не вздумай разжалобить только.

Говори все, как есть, на духу...”

Обжигаю их

искренней болью,

Приобщаю невольно к стиху.

Говорю о России смятенной,

И о вере в нее говорю.

С этой верой у бездны смертельной

Все равно буду петь про зарю.

Пригорюнятся тихо бродяги

Вековой горемычной страны.

И проснется в них чувство отваги

Для признания личной вины...

Я уйду под осенние своды

Удивительно ярких осин.

Я поэт.

И, поверьте, с Природой

Надо быть мне один на один.

Сосновый бор до стона раскален.
 И синий ягель поседел от зноя.
 Но по весне он станет цвета моря.
 Олень, конечно, будет удивлен.

О, ягельные синие поля! —
 Спокойное оленьё утоленье,
 Для дальних переходов вдохновенье
 С веселой остановкой у ручья.

Олень вернется в отчие края,
 И хриплый голос небеса разбудит:
 Зачем сюда пришли лихие люди, —
 И почернели синие поля?!

Олень на поиск ягеля уйдет.
 Спешить он будет, словно от погони,
 И, обессилев, голову уронит,
 Затихнет на руках сухих болот.

И я — олень.
 Иду тропой, устав
 От жажды и от горького сознанья,
 Что, видно, обречен я на страданья:
 Ручьи мои летают, пеплом став.

ЭЛЕНТУР¹

Дальнее озеро наше —
Устье морошковых рек.
К этой серебряной чаше
Вечно спешил человек.

Здесь, у воды животворной,
Каждая травка цвела.
Радуга в дали озерной
Воду,
 как лебедь, пила.

Тихо слеза высыхала,
И улетала беда,
Если с тобою вступала
В кровную близость вода.

Воду живую от горя
Радостно пил, не спеша.
Знать, для грядущего боя
Сил набиралась душа...

Дальнее озеро наше,
Сыну ответишь ли ты,
Кто осквернил твою чашу,
Вырубил лес у воды?

Плачу душой оскорбленной
На крестовине дорог.
Катятся, жалуясь, волны
На почерневший песок.

¹ Э л е н т у р (манс.) — дальнее озеро.

ПОЖАР

В 1984 году в поселке Мортка Тюменской области случился сильный пожар. Начальство леспромхоза оставило поселок на волю огненной стихии.
(От автора)

Мы ковры расстилаем порой для бахвальства.
Ну, а дела коснись, —

то ошибка, то брак...

По две шубы надев, удирает начальство.

— Да, куда ж вы?! — кричит бензопильщик-чудак.

А поселок горит.

Занялась пилорама.

Жаркий ветер слезу вышибает из глаз.

— Наша школа в дыму!

Стойте, папочка, мама! —

Крик из розовой “Нивы” взлетел и...

погас.

Уезжайте!

Сегодня без вас обойдется

Терпеливый, послушный до срока народ.

Все равно в этом гвалте и пекле найдется

Тот,

который навстречу огню позовет.

Кто-то трактор повел на горящие кедры,

Их тесня от построек к болотной воде.

Это были те самые первые метры,

Те, которые путь преградили беде...

А назавтра начальство вернулось в поселок.

Были стены и воздух еще горячи.

И спросила отца

дочь у рухнувшей школы:

— Почему ты сбежал?

И в ответ:

— Замолчи.

ТОЛПА

Безумие искрами тлеет в толпе.
Достаточно с факелом выйти тебе, —
И выплеснут злобу кричащие рты,
Свирепо взметнутся ножи, топоры.
И станут слепые безумцы терзать
Ребенка, и старца, и скорбную мать.
Раскаянье слезное будет потом.
Но... сердце уже опалено огнем.
И матери сына уже не вернешь.
Не стоит прощенья виновного дрожь.
Бездумный осколок

бездумной толпы,

Достоин проклятия вечного ты!
Как часто мы видим сегодня толпу,
Несущую слезы, разлуку, вражду.
Ревела толпа в Фергане и Узгене,
И в Степанакерте, и горных селеньях,
Ревела в Баку, в Ереване и Оше...
Опомнитесь, люди! О Боже, о Боже!
И снова крикливую вижу толпу.
Сегодня свою испытаю судьбу.
И встал я у этой толпы на пути
С младенцем и книгой, прижав их к груди.
— Вы держите камни? — спросил я людей. —
И ваше богатство — удары камней? —
И каждый невольно на руки взглянул,
Опомнился, видно, и тяжело вздохнул.
И вспомнил о доме — опоре судьбы.
“О, будь же ты проклят — мой камень толпы!”
И выпали камни из рук.

И душа

У каждого плакала, суд свой верша.

Много траура в праздничном черном костюме.
Вы простите за дерзость, и мать, и жена,
Но в весенних тонах щеголять стану ныне,
Чтоб со мною вовек не рассталась весна.

Ах, какой я упрямец! — мечтатель крылатый —
Верю искренне в завтра, и верю в людей.
Сшей, портной, мне костюм для душевного лада,
Чтоб развеял я грусть этих милых полей.

Это праздник, коль в сердце есть чувство свободы!
Надеваю веселый шикарный костюм.
Но ведь нету гармоник, и нет хороводов.
Все равно я не буду отныне угрюм.

Просыпаются трудно деревни родные,
Эта плачет,

а эта удаю глядит.

И летят мне вослед голоса ветровые:
Мол, костюм для тебя удивительный сшит.

К ВОЕННОМУ ЛЕТЧИКУ

Земляку Алексею Сумкину

Ты летаешь под крыльями Бога,
Ты особые видишь края.
На пронзительно-синих дорогах
Есть особая гордость твоя.
И судьба у тебя необычна,
Нам, наверно, ее не понять, —
Романтична она, и трагична, —
Звуки неба в пути обгонять.
Под тобою гроза не стихает,
Сыплет стрелы в отеческий лес.
И высокая грусть наступает,
Что сейчас ты во власти небес...
Ты выходишь.

Идешь утомленно.

Ты сейчас как святой человек.
Снисходительно и отрешенно
Ты глядишь поначалу на всех.
Вдруг в глазах запылала тревога.
Это мы ее вызвать смогли.
Ты душою, конечно, от Бога,
А улыбкой — от грешной земли.

xxx

В палисаде горят георгины,
А дорогу листвою замело.
Это осень мои именины
Отмечает приветно-светло.
И шмели продолжают охоту.
И мелодию дарят клесты.
Продолжается в мире Природы,
Продолжается пир красоты.
Ах, пылайте, цветы вознесенья!
Обжигайте сердца наяву!
И от радости и вдохновенья
Упаду я надолго в траву.
А потом, будто пьяный, шатаюсь,
Я уйду в суету й беду,
Где живут, улыбаясь и каясь,
Где всегда предают красоту.

xxx

Соловей поет —
Струны дрожанье.
Переливы трелей.
Вдруг... молчанье.
Он свои припоминает звуки...
Для чего ему такие муки?
Для чего приходится таиться?
Соловей боится...
Повториться.

Тысячи таких селений

Были списаны на слом.

Слезы, слезы —

гнев наш чистый,

Слезы вылились до дна.

А ханжи и карьеристы

Получали ордена.

Нет тебя, моя деревня,

Нет боров, река тиха.

Голос кедров мудрых, древних

Стал тревогою стиха.

НА РЕЧНОЙ ПРИСТАНИ

Я у бабушки вызвал, видать, подозренье:
Свой баул обхватила рукою она.
Расскажу-ка я бабушке стихотворенье —
Как пригожа весною ее сторона,
Как издревле ценилось

доверье друг к другу,

Как не знал этот край воровства и вражды.
Уберите с баула дрожащую руку,
Пусть отхлынет от сердца

волна маеты.

Ваши годы вдали.

Дней последних сиянье

Сберегите же вы от безверья и лжи.

И тогда этот мир сохранит на прощанье
Благодарную вашу

улыбку души.

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Глаза земли задумчивы и кари,
А щеки в конопушках земляник.
Поляна детства мне раздумье дарит,
И к ней душою
я сейчас приник.

Там — голоса.
Я чую запах гари.
Гранаты рвутся,
Вечный бой идет.
В горячих бликах
близкого пожара

Отец в атаку поднимает взвод.
Ты оглянись, отец,
и я запомню

Твои черты,
ведь я не помню их.

Скажи о том солдатам запыленным,
Чтоб я запомнил и солдат твоих.
Но вы спешите.

Голоса стихают.
Я поднимаю голову —

Вокруг
Оранжевые бабочки летают,
Глухарь смешно оттачивает звук.
Мир на земле.

И нету выше блага,
Чем это — слышать небо и траву.
Во всем в стране

жива отцов отвага,
И потому, наверно, я живу.

xxx

Под куполом ночного неба
Хоть раз, дружище, полежи.
Забудешь про истоки гнева,
Возьмешь у неба для души
Надежду — как свое спасенье
От суеты
и от вражды.
Еще возьми себе терпенья, —
И ты услышишь
зов звезды.

xxx

Не верю в стих,
где нет дыханья
Грозы
и нету естества.
В таком стихе для назиданья
Живут трескучие слова.
Живи, возвышенная Лира! —
Слова от солнца и дождя.
Ты, Красота, —
спасенье мира,
Я верю, Красота, в тебя.

Не приходи сегодня, гений,
 В наш мир жестокий и глухой.
 Не приходи для унижений
 С неукрощенной строкой.

Кругом вражда.

И гаснет вера,
 И гаснет нравственности свет.
 Мои уставшие деревья
 В туманы кутает рассвет.

Случилось! —

Люди, словно тени,
 Умолкли в рощах соловьи...
 О, нет!

Спешి скорее, гений,
 Для мук,
 для правды,
 для любви.

ПРОЗРЕВШИЙ СТОРОЖ

Осенняя ночь подозрений.
Кругом воровство и грабеж.
И сторож Мотыгин Евгений
Имеет берданку и нож.

Он знает —
 в складских помещениях
Товаров любых — завались.
Воруют их зло, вдохновенно.
Такая уж, видимо, жизнь.

Казенного парню не жалко,
Коль могут —
 пускай волокут.
А рядом в ограде овчарки
От злобы штакетник грызут.

Стоит он под лунной березой,
Струится с ветвей листопад.
И сахарно-белые росы
На грешную землю летят.

И сторожа вдруг озарило
Вопросом под стоны ветвей:
“Какие же темные силы
Владеют сознанием людей?!”

Запоры, овчарки, капканы —
Орудия мести людей.
И с пушками бродят паханы,
Насилюя даже детей.

Да что ж я стою оробело?
Зачем я воругам служу?!“
И сторож отчаянно-смело
Родимое вскинул ружье.

И стал он палить по фигурам,
Уверенно грабящим склад.
Из темени зоркой и хмурой
Ударил в ответ автомат.

И все же последнюю пулю
Мотыгин удачно послал, —
Затишье вокруг наступило.
А сам он на землю упал.

— Иногда надо поплакать над собой...

— Зачем?

(Из разговора)

Поплакать надо над собой.

Зачем?

Ах, да, я понимаю.

Но перед боем и бедой

На это право отнимаю.

Пускай те слезы в камень-лед

На это время превратятся.

А стихнет бой,

беда уйдет —

Они для раны пригодятся.

В час озарения души,

Как солнце в дождик —

мы смеемся.

Бороться против злобы, лжи

Слезами мы порой клянемся.

И уронить слезу не грех,

Когда пойдешь один на плаху.

Но страшно,

если человек

Лишен Природой права

плакать.

СЛУЧАЙ В ДОМЕ ОТДЫХА

Давно не слышал я аккордеона —
Обветренного голоса души.

Мне говорит сосед задорным тоном:

— А, ну-ка, брат, цыганочку спляши... —
Плясать я не умею.

Ну, а песню

Про Ермака и про тайгу спою.

Наплывом чувств,

доселе неизвестных,

Возносит душу грустную мою.

Берет аккорды мальчик-семиклассник

Для нас,

давно уже не молодых.

И верить хочется,

что дни прекрасны,

И надо нам беречь по капле их...

Играет он.

И, словно на уроке,

Не сводит с нот своих серьезных глаз.

Среди истерики и грома рока

Он нереальным кажется для нас.

Он словно тень живая дней далеких,

Когда без песни не было пути.

И каждый говорит ему с тревогой:

— Послушай... ты от нас не уходи.

Гроза из дальних-дальних странствий
К моим вернулась берегам.
И я в смятении,
Я странный,
Я верю небу и лесам.

Смотрю и грустно понимаю
И суету, и гнев людей.
В страданье верю.
Принимаю
Удары всех его мечей.

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

В. К. Аскерову

Если бор кедровый дик,
Если он забыт и темен,
То сюда, как мрачный стих,
Прилетает черный ворон.

В чаще,
 где глухарки спят,
Он загадочно и глухо
Начинает свой обряд,
Как ворчливая старуха.

Он вещает, он кричит,
Он кому-то угрожает.
О грядущих бедах мнит.
Ой, как много ворон знает!

И нахмурится медведь,
Песню иволга стреножит, —
Станут думать и глядеть —
Для чего он их тревожит?

Крон-н! — несется с высоты,
Как удар, как заклинанье.
И предчувствием беды
Наполняется сознание.

Но когда костер зари
За рекой запольхает, —
Ворон вздрагивает и...
Почему-то умолкает.

ЛИШНИЙ

Бежит из юности до срока
Такой веселый паренек.
Задумчиво глядит сорока,
Растерян двоечник-дружок.

Но так же будет шумно в школе.
Забудут вскоре про него.
Он школу променял на волю,
А с волей сладить... нелегко.

На воле он одно усвоил:
Горластым будешь —
станешь прав.

Его сантехником устроил,
Желая блага, домуправ.

В провинциальном городишке
Сантехник выше всех чинов.
Ах, до чего он лишний, лишний
В среде матерых мужиков!

Замкнется вскоре он.

И даже
Заплачет в горький свой стакан,
Когда ему по пьянке скажут:
“Ушел бы лучше ты, пацан!..“

Но нет назад ему дороги,
У юности не взять весла.
Он — журавленок одинокий,
С мольбой глядящий в небеса.

Рати елей охраняют
 Это озеро в тиши.
 И тебя не забывают,
 Берегут покой души.

Ты у ели отдыхаешь
 От столичной суеты,
 Гарь бензиновую хаешь
 У живительной воды.

А однажды олененка
 Ты меж елей усмотрел.
 На таежного ребенка,
 Как на идола, глядел.

Дива этого не станет,
 Чем мы душу усладим?..
 Без Природы каждый станет
 В жизни
 роботом живым.

СУМЕРКИ

Соком фиолетовым черники
 Кто-то залил розовый закат.
 И берез поголубели лики,
 Птичьи голоса звучат не в лад.

А в бору сосновом повлажнело,
 Все темнее кроны и стволы.
 Словно от звезды сгоревшей белой, —
 Травы и душисты, и теплы.

Сумерки в плаще идут в деревню,
 И крылат, и черен этот плащ.
 И стихает деда голос древний,
 И ребенка голосистый плач.

С годами улетает смех
И беспричинный, и веселый.
Ну, а пока звончее всех
Смеешься ты в десятой школе.

И мама сердится порой:
“Эх, ветер в голове гуляет...”
У дочки возраст золотой,
Неужто мать не понимает...

Вы слышите счастливый смех?
Она смеется —

детства голос.

Ей отзовется с неба стерх,
Ей улыбнется в поле колос.

Но где-то будущий жених
Уже о ней, веселой, судит.
И потому, что робок, тих,
Он именно ее полюбит.

И станет вскорости она
Его женой

на удивленье

Рodne, друзьям и воскресенью.
Да, парадоксов жизнь полна.

Она у жизни на виду,
Мужчины дарят ей вниманье.
И муж ревнивый красоту
Жены

бросает на закланье.

Обиды, ссоры и тоска.
Куда ж ты делся, смех счастливый?..
И стало больше слез у ивы,
Теряют краски облака.

Все реже снится дивный сон:
Она смеется,

полдень ярок...

О, смех счастливый!

Люди, он —

Природы редкостный подарок.

Вчера подруге заявила:
 “Останусь скоро я одна...”
 Сегодня вазу уронила, —
 И суетлива, и бледна.
 Так что же все-таки случилось?
 Дашь вечером, дружок, ответ.
 А сердце из груди просилось
 Впервые так... за сорок лет.
 И, дав фантазии раздолье,
 От подозрения устав,
 Я вдруг увидел в далях поле,
 Себя, ее в разливе трав.
 Я рвал цветы,
 дарил их нежно, —
 Жених восторженный, смешной.
 И осенило:
 где же, где же
 Порыв тот самый дорогой?!
 И вот я скучный, неуклюжий
 Беру в атаку телефон:
 — Нужны цветы! Букет мне нужен!
 Да, да, я заново влюблен. —
 Моей волнующей заботой
 Таежный город сутки жил...
 Когда она пришла с работы,
 Конечно, я спокойным был:
 В квартире розы юга жили.
 Не верю сам —
 вот отчудил!
 Она сказала тихо, мило:
 — Я думала... ты разлюбил.

Я ушел с пешеходной дороги,
 Надо заново жизнь начинать.
 Дай мне руку, товарищ Тревога,
 Нам на поезд нельзя опоздать.

Пять минут —

это целая вечность.
 Я к буфету азартно бегу.
 Говорит мне отпетый буфетчик,
 Что мы все перед водкой в долгу...

Веселюсь я

и грохот не слышу,
 Набирают колеса разгон.
 Выбегаю —

как падаю с крыши,
 Выбегаю хмельной на перрон.

Но колеса далеко стучали,
 И дымок трепыхал, как платок.
 И смеялись, смеялись, смеялись
 Фонари на развилке дорог.

ПОСЛУШНЫЙ ЗЯБЛИК

Из клетки зяблик не летит,
Уж незачем ему свобода.
О небесах из клетки мнит,
Покой покинуть неохота.

Он свыкся со своей судьбой,
Он за пять лет привык к неволе.
Лишь иногда во сне с тоской
Увидит лес, услышит поле.

Хозяин — тихий великан,
Но по уму — ничтожный карлик
Имел для певчей птицы план, —
Держал кота по кличке Марик.

Хозяин клетку открывал
И морщил узкий лоб от думы.
А кот отчаянно визжал,
И великан шептал угрюмо:

“Лети“.

Но зяблик не летел.
Дрожа, клевал, клевал он зерна.
В день испытанья он имел
Еды лесной двойную норму.

Он все же к Марику привык.
Но долго зяблик удивлялся
Лишь одному —

он петь отвык.

Он с песней навсегда расстался.

ДУМА У СПИЛЕННОГО ДЕРЕВА

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветки, будто лапы глухаринные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя беру твои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю, что перед коварством
слаб.

В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою,
Взгляд искал чего-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами лаская тучи вешние,
Слышу:

вновь сюда идут с пилой.

КОСТЕР ВАВИЛОВА

*Пойдем на костер, будем гореть, но от
убеждений своих не откажемся.*

Н. И. Вавилов

Тюремный простуженный двор.

Охранники, как изваянья.

Вавилов,

горит твой костер.

Не быть твоему покаянью.

Здесь нету воров и убийц,

Здесь люди особого склада.

И слух между ними таков:

Расстрел —

это тоже награда.

Но ты, академик, не жди

Такой высочайшей награды.

Страдания все надо пройти,

Сгореть на костре,

если надо.

Ты болен, рука горяча.

Исход свой,

к несчастью,

ты знаешь.

От голода, словно свеча,

Ты медленно таяешь и таяешь.

Ты мысленно, в думах,

простер

К полям обездоленным руки.

Горит твой высокий костер

И чести,

и славы,

и муки.

ПРОЩАНИЕ

Мансийской сказительнице

А. М. Коньковой

Они кружили и прощально пели.
Как на детей,

вы смотрите на них.

Болотных ягод птицы захотели,
Ведь этих ягод нет в краях чужих.

Берет седой вожак багрянец клюквы.
Живителен ты, сок родной земли!
И к небу длинно вытянулись клювы,
Готовы в путь далекий журавли.

Вы молча плачете, богиня леса.

Вы понимаете их стон и речь.

И нам бы надо

от сует отречься,

Чтоб нежность осени

в душе сберечь.

Взмахнули птицы крыльями над вами.

Вы долго машете платком вослед.

И верите вы, верите с лесами,

Что не найдут их в небе

стрелы бед.

ТАЕЖНЫЙ РУЧЕЙ

К Оби он рвется сквозь валежник,
Деревья, камни обходя.
Ведь за реку ему тревожно,
Он мчится, время торопя.

Качает Обь суда и лодки,
Бензин и нефть среди валов.
Приходится испить и водки
От бесшабашных рыбаков.

Летят в реку бутылки, банки,
И стонет матушка-река:
Ручей серебряный, пораньше
Спешу ко мне издалика.

Водой целебной и хрустальной
Ты освежи меня скорей.
На помощь к матери печальной
Летит серебряный ручей.

*“И зачем цветет черемуха
под окнами этого злодея?!”*

(Из разговора)

Не зря, конечно, величают
Тебя злодеем, землячок.
Не угостишь ты кружкой чая,
Чураешься людских тревог.
И ночью — на руку нечистый —
Воруешь сети и собак.
Готов ты, фарисей речистый,
Предать любого за пятак.
И, от мирских забот седея,
В деревне говорит народ:
“Зачем под окнами злодея
Весной черемуха цветет?!”
Его бы —

на пустырь навеки!..“

Спешу сказать свои слова:
Природа верит в человека,
И тем Вселенная... жива.

О ЗАВИСТИ

О зависть, спутник человека
На всю судьбу, на все года!
Его бездумная утеха
И привнесенная беда.
Вот человек...

тишайший вроде,
Он не хапуга и не мот.
Но зависть в сердце колобродит,
Ему покоя не дает.
И... пишет он тогда доносы,
Чтоб злое чувство утолить.
Людей невинных льются слезы,
Им стало горше в мире жить.
О, эта зависть, зависть труса,
И карьериста, и ханжи
Кружит с назойливостью гнуса
Над полем праведной души!..
Я с человеком благородным
Готов и петь, и хлеб растить.
Мы с ним без зависти, свободно
Живем,
и долго будем жить.

ДЕНЬ БОРЕНЬЯ

На снега
Льют дожди проливные,
И кедрач до хвоинки промок.
И веселые сказки лесные
Приютил затуманенный лог.
Вы беспечны, апреля поверья,
Но суровы посланники тьмы.
В стане мокрых и зябких деревьев —
День боренья Весны и Зимы.
И от чувств не уйти обнаженных —
И надежды, и правды души.
Ходят тени в лесах отдаленных —
Это тени коварства и лжи.
И ветра холодами пугают.
Но, гляди:
над полками вершин
Тучи тают, и тают, и тают,
Высветляя кочующий клин.
И увидела зоркая стая, —
Этот миг я забыть не смогу, —
Снег последний рассыпчатый тает
В голубом и веселом логу.

МАЙСКОЕ ПОЛОВОДЬЕ

Ивы тонконогие бредут.

Плакать бы —

не видно будет слез.

Облака зеленые плывут —

Кроны удивительных берез.

Разгулялась матушка-Природа,

У нее сейчас свои творцы.

Это буйство в сердце у народа,

И народ с Природой —

близнецы.

xxx

У сна

всегда гривасты кони,

Своя гора,

над ней паришь.

В окно уходишь от погони,

А там —

деревня

иль Париж.

Другу Константину Яковлеву

Как в чудо первой сказки я поверил!
Хотел увидеть гром живым в грозу.
Каким я был восторженным, наверно,
Коль славил ветку каждую в лесу.
А надо мной смеялись.

Я вырос. Ты, Любовь, — моя богиня,
Следы твои целую на стерне.
Прохожий, я твое не знаю имя,
Но ты мне — брат, все люди — братья мне.
А надо мной смеялись.

Ах, годы, годы... Снова буря свищет.
Но я не брошу верного весла.
Вы, хохотавшие, душою нищи,
Куда вас жизнь сегодня привела?..
Я гордо улыбаюсь.

В предгрозовом тумане вижу:
 Мартынов поднял пистолет.
 И тишина такая... слышу,
 Как облака меняют цвет.
 И выстрел.

И поэт упал.
 И грома, и дождя обвал.

И этот ливень грозный, долгий
 И наши всколыхнул сердца.
 А это кто угрюмо-скользкий,
 Мелькает тень его лица?
 Мартынова забытый лик,
 Его сегодняшней двойник.

Да, мир сегодня стал хитрее,
 Ловчее и коварней стал.
 Где правда? Где туман елея? —
 Повсюду масок карнавал.
 Но за красивой мишурой
 Таится враг и твой, и мой.

Прочь равнодушия застой!
 Дуэль сегодня нам нужна,
 Дуэль во всем обнажена.
 К барьеру, подлость, клевета!
 И... тишина, и как тогда —
 Предгрозовая высота.

ПЕСНЯ О ЗАБЫТОЙ ДОРОГЕ

Вот колея телеги.
А это след копыт.
Веселый путник ехал,
Но путь его забыт.

Была с ним рядом дочка,
Глаза — от голубик.
Но где ж она? Ни слуха,
Забыт девичий лик.

И сын — поэт певучий —
Так странно позабыт.
В покинутой деревне
В сырой могиле спит.

Так быстро забываем
Друг друга на веку.
Я о тебе, дорога,
Храню свою строку.

От памяти, от долга
И крест, и обелиск.
На холмики седые
Летит осенний лист.

И факелы-зарницы
Горят в ладонях дня.
Но миру не хватает
Сердечного огня.

ДУМА ЗЛОГО ДУХА

Что задумался, Комполен¹,
На болотной кочке?
Может, ты сегодня болен,
Простудился ночью?
Топнул дух ногой лосиной,
Кочки в топь осели.
Аж до стаи журавлиной
Брызги долетели.
“Думу думать не мешайте!
Но о чем я мыслю — знайте!
Праздник, праздник скоро будет.
Праздник мой желанный:
Ссорятся повсюду люди,
И враждуют станы.
Ссорьтесь, ссорьтесь, вот потеха!
Коль умру — умру от смеха.
Жадность, зависть и наветы,
Воля вам — от века.
Где же, где же вы, поэты —
Судьи человека?!Вот и стало мне вольготно.
Низменные страсти,
С вами я живу свободно,
С вами мое счастье“.
Зло везде Комполен сеет,
Жить иначе не умеет.
И когда с болот шипучих
Воет ветер лютый,
Копит дух свирепый тучи, —
Знайте это, люди.

¹ К о м п о л е н (манс.) — злой болотный дух.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Звездный час.

Небесный мир распахнут.

Он зовет меня к себе, зовет.

И лучи черемухою пахнут,

Значит, там черемуха цветет.

Улетаю от Земли угарной:

Столько лжи, жестокости кругом!

И на оклик станции радарной

Не отвечу, не качну крылом.

Наша правда — горькая калина,

Эта горечь —

крик души живой.

И гасить огонь в родных боринах¹

Я с планеты прилечу другой.

¹ Б о р и н а — небольшой ягельный бор.

К ТЕБЕ, СТОЛИЦА...

Когда-то я спешил к тебе, столица,
Была ты шумной славою страны.
А нынче ты — огромная больница,
Где москвичи измученно больны.

В сердца людей вселились боль и смута.
Громадный город —

беспощадный спрут.

Здесь корни мафий, заговоров, блуда,
Здесь в высших кабинетах вечно врут.

Витает страх повсюду.

Зябко. Душно.

Для рэкета всегда добыча есть.

Столица, ты —

те самые конюшни,

Которым нужен новый Геркулес.

Мое спасенье —

здесь я ненадолго.

Уже я болен. Дума горяча.

Но, слава Богу, есть Сибирь,

есть Волга,

И есть костер в долине кедрача.

АКТЕРЫ

*Артист Конкин в запале восклицает:
“Я счастливый, счастливый, господа!..”*

Актеры

остались актерами,
Играют воров и убийц.
Завидуют очень Невзорову,
И падают, падают ниц.
Себя называют счастливыми
На поле страданий людских...
Вы были когда-то красивыми,
Имели восторг за двоих.
И чувства имели бойцовские.
А ныне стыдоба и срам:
Владимировы, Смоктуновские
Возносят российский бедлам.
Играют смешно в демократию
С оглядкой на Запад.

Затем

Всхотели быть аристократами.
Остались ни с чем,
и ни с кем...
Сегодня в почете Невзоровы,
Отвага, терпенье и риск.
А вы стали горе-актерами,
Вам нужен столичный стриптиз.

ИСПОВЕДЬ САТАНИНСКОЙ НОЧИ

Ночь.

Добро и зло извечно

За нее ведут борьбу.

Ночь возносит.

Ночь калечит.

Ночь приносит глухоту.

Если ночью злые силы

Брали верх —

пошла резня.

И в крови невинной были

Двери каждого жилья.

Если ночью осиянна

Добротой

луна плыла, —

Ночью не было обмана,

Ночь любила, ночь цвела.

— Ночь, кому ты служишь ныне?

Отвечает:

— Сатане.

Кровь от страха в жилах стынет

У людей.

Приятно мне.

Режут сербов.

Слышишь стоны

Терпеливых христиан?..

Скоро станут резать, помни,

Православных россиян.

— Мне невмочь от этой жути.

— Нет, ты слушай, словно стих:

Как глупы, наивны люди!

Как легко поссорить их!

В этом... так и быть, доверюсь, —

Сатана признался сам.

Мол, чумою станет вера,
Превращу людей я в срам...

— Расскажи-ка, очень важно,
Ты об этом Сатане.

— Он совсем-совсем не страшный,
Даже симпатичен мне.

Видишь ты его с рогами?
Глупость.

Все наоборот.
Но за дальними морями,
Это верно,
он живет.

Хочет быть он властелином...
Вот и думай, что к чему.
Ну, прощай.

Я — к господину.
Нынче я верна ему.

xxx

Неужели сегодня расстанемся
Мы с тобою, мой друг, навсегда?
Неужели душа —

моя станция —
Вдаль отправила все поезда?..

БЕРЕЗА И СТАРИК

Леониду Максимовичу Леонову

В два топора они ее рубили —
Старик и сын, плечистый, молодой.
И кольца годовые уходили,
Чтоб позабыть навеки возраст свой.
И на вершине звезды затухали,
А может, уносились ввысь они.
И опустил топор старик устало,
На сына глянул: “Малость отдохни!..”
Они присели, жаркие, хмельные,
На шелковистый, ласковый бугор.
И в тишине, как пятаки литые,
Упали с веток капли на топор.
И борода качнулась беспокойно,
И словно что-то опалило грудь.
И вот старик, восходом озаренный,
Поднялся, чтоб на дерево взглянуть.
Закинув руку левую за спину,
К глазам он руку правую поднес
И, словно чудо, увидел вершину
В сиянье улыбающихся звезд.
Глядел еще бы, да глаза слезились,
Спина заныла — и вздохнул старик.
В душе его сегодня поселились
И бездна неба, и березы лик.
И взял он непослушными руками
Топор тяжелый, что-то прошептав,
И снова опустил: перед глазами
Стоит береза, небеса обняв.
— Устал, отец? — услышал голос сына.
Потом услышал стуки топора.
Подумал: “Сын... такой красивый, сильный...
А мне, наверно, помирать пора”.

xxx

Тоне, с любовью

Даль покрылась поющими птицами.
Вот и время пришло кочевать.
Под Ишимом, в деревне Синицыно, —
Белоснежных цветов благодать.

На медовой поляне у реченьки,
Близ соснового бора, в тиши,
Может, слово отыщется вечное
Для меня, для смятенной души.

Может, здесь я найду утешение
От обид, от печалей страны...
Ты мне даришь, Природа, спасение,
Даришь силы до новой весны.

И обратно с веселыми птицами
Я в родную тайгу возвращусь,
Вспоминая деревню Синицыно,
И цветы, и раздумье, и грусть.

xxx

Йодисто-рыжи апрельские шишки у ели.
Качается солнце веселой ромашкой над ней.
На сахарной тверди —
На утренней ласковой мели, —
Как древний рисунок,
Остались следы журавлей.

xxx

Беде Анне, венгерской писательнице

Мадьярские скрипки рыдают в степи.

А я вспоминаю затоны Оби.

А я вспоминаю костер у реки,

Где слушают волны мои рыбаки.

Мадьярские кони пасутся в степи,

А чайки играют на волнах Оби.

И голову поднял притихший вогул,

Услыша коней потревоженных гул.

И видит он предков в летящем строю —

Свободные угры бесстрашны в бою.

И, славы далекой коснувшись,

вогул

У кедров родимых печально вздохнул.

Певучие скрипки поют для души.

Я слышу их звуки в таежной глуши.

Мадьярские скрипки рыдают в степи.

Мадьярские скрипки слышны на Оби.

xxx

У железных людей —

И железное сердце.

Это, мол, от идей, —

Этой сказке не верьте.

Воля — да. Может, ей

Быть дано из железа.

А душа у людей —

От небес

и от леса.

Они —
 как боль в моих глазах —
 Березы эти у дороги.
 Они лежат тихи, убоги.
 Душа осталась в небесах.

Сегодня глухарку возьму¹,
 Обьятую розовой дымкой.
 Но села она на сосну
 И стала для всех невидимкой.
 Наверно, с улыбкой она
 Глядит из нахмуренной кроны,
 От майского ветра хмельна,
 Ей слышатся брачные стоны.
 О, злой и смешной человек,
 Готовый палить без разбора,
 Прислушайся к рокоту рек,
 Пойми размышления бора!
 Глухарка боится тебя,
 Боится цветущая речка.
 Горит, о спасеньи моля,
 Природы последняя свечка.

¹ Настоящий таежник вместо “убью”, “застрелю” глухарку, оленя и т.д. всегда скажет “возьму” (примечание автора).

Какие же мы — дикари!
 (Этот горький возглас часто
 можно слышать в народе)

Мы в чем-то, право, дикари.
 И благородства не осталось.
 Но, слава Богу, свет зари
 Еще волнует души малость.
 Но если распалим себя,
 И не опомнимся, дурные, —
 Погибнем —

это знаю я.

Так гибнут чайки ветровые
 Без ивняка и без воды,
 И в клювах крик
 в крови запекся...
 Весь мир земной
 к черте беды,
 Как пес избитый,
 приволокся.

ПОСЛЕ НОЧНОГО ДОЖДЯ

Утро звонкое.
 Тропинка.
 Вьется, кружит паутинка.
 Посмотри —
 хрустальный диск
 Между ветками повис.
 Миллионная дождинка
 Круг замкнула и цветет.
 Диск хрустальный,
 Как пластинка,
 Между ветками поет.

Молчит седых небес орган.
Еще студеной океан
Щадит

Оби притихшей дали.
А мы с тобою, мой дружок,
На перепутье трех дорог
Печальными до срока стали.

Мы верим грому, доброте.
А зло нахотилось везде,
Оно собьется скоро в стаю.
И мы с тобой в смятеньи, друг.
Ты как спасательный мой круг,
Тебя за плечи обнимаю.

Но неужели зло дружней?
И неужели зло сильней
В своих наветах, кознях, сваргах?
Своекорыстны нынче мы,
До крайности беспечны мы, —
И потому земля в пожарах.

*“Вот уже три года не вижу и не слышу
снегирей. Куда они подевались?
Не к добру это...”*
(Из разговора)

Вы и вправду потерялись,
Снежной воли — соловьи,
Но сегодня... прочь, усталость! —
Вы явились от зари.

Я, взгрустнувший от наветов
Многоопытных врунов.
Снова славлю час рассвета
И причуды облаков.

Рядом в зябком мире верба
Расцвела, к себе маня.
И вселилась в сердце вера
В правду завтрашнего дня.

Кто-то верит в силу Бога,
Кто-то верит в дар любви.
Но вражды на свете много,
Так что пойте, снегири!

БЕЛАЯ СИМФОНИЯ

Затерялись в поле ель
И береза стройная.
Ой, метель, моя метель —
Белая симфония.

Звоны звонкие сейчас
Церковь шлет стозвонная.
Слышит путник этот глас
И моя симфония.

И заблудшему в пути
Этот звон — спасение.
Просыпается в груди
Чувство вознесения.

Ой, метет кругом, метет
Белое и черное.
Зло вороньи гнезда вьет
И ревет скоромное.

У метелицы полет —
До звезды, до космоса.
Космонавт давно живет
Без родного голоса.

И гремят колокола —
Эта воля вечная.
В колокольный звон вошла
Песнь моя сердечная.

Ой, черемуха цветет
Белая и знойная.
И опять звучит, поет
Белая симфония.

Идут по дороге обозы,
Идут голубые стога.
Их нам подарили покосы,
Их нам подарили луга.
Веселые кони апреля
Душистое сено везут.
В нем — шорохи белого зверя,
В нем — запахи ветра живут.
Глядят, улыбаясь, деревни
И знаки дают пацанам:
Мол, надо в дороге напевной
Душой приобщиться к стогам.
На миг остановятся кони —
И вот мы уже на стогах.
Нам хочется жуткой погони,
Нам хочется неба в глазах.
Бунтарское зреет желанье —
Над стогом своим вознестись.
Но... кнут получай в наказанье,
Напутственный крик: берегись!
Ну, что же я сделал плохого? —
Никак не пойму я пока.
Под аркой вопроса немого
Идут голубые стога.

*Где он, где он, корень скорби,
Где он, корень зла?!
(Из мансийской героической песни)*

Плач гагары, плач над Обью,
Люди, нас в поход зовет.
Ты скажи мне, птица скорби,
Корень скорби где живет?
Или в чаще, или в поле,
Или в яме осетра?
Корень скорби,
птица воли,
Нам с тобой найти пора.
Ты скажи, орел парящий,
Белка летняя, скажи:
Где он, где он — корень страшный,
Прячется в какой глуши?
Гром, веселый и свободный,
Ты скажи — хранитель рос?..
Лишь один кулик болотный
Весть желанную принес:
Там, где лес и глух, и темен,
Там, где зверь не пробежит, —
Дух болотный злой Комполен
Корень скорби сторожит.
И седой, в болотной тине
Я спешу, спешу туда.
В ноги падают осины,
Вон летит ко мне звезда.
И открылся мыс озерный,
Мне открылся в дали брод.
Корень скорби,
корень черный,
Твой последний день грядет.

ТАЙНА СКОРБИ

Доброй памяти Иванова А. И.

Дрожит осина в полдень знойный.
Неужто полдень ей не мил?
И вдруг поймешь, ошеломленный,
Как хрупок, беззащитен мир!

Когда невольно оглядишься,
Понятна дрожь листов твоих:
Ты за людей, сестра, боишься,
За глупость и браваду их.

Я в сентябре хожу влюбленный.
Вдруг сердце крикнет: оглянись!
Парит оранжево-каленный
Костер, —
 парит огромный лист.

Ты — факел, красное свеченье,
Твой пепел будто в небесах.
Да это же самосожженье! —
Горят твои и скорбь, и страх.

В человеке бездна жизненности
Ф. М. Достоевский

Бездна жизненности во мне.
Словно воля бесстрашных людей
И горенье цветов на стерне —
Все в душе поселилось моей.
И тоска в моем сердце живет.
Просыпаясь порою, она,
Как налетчик, за горло берет,
И темнеет в глазах вышина.
Я готов на колени упасть,
В этот миг равнодушие тая.
Но души непонятная власть
Останавливает меня...
Торопливо за двери ведет
В мир боренья, навстречу весне...
Ах, как верба пушисто цветет!
След Армстронга цветет на Луне.

Уходи скорей, вражда,
От моих людей.
Стала богом доброта
В хижине моей.

А молва быстрей огня
Суть несет свою:
Будто всепрощенец я,
Будто всех люблю.

Так бывает по весне —
Счастья каждый ждет.
И на исповедь ко мне
Повалил народ.

Все обиды и грехи,
Все картины бед.
Стали грустными стихи,
И покоя нет.

Чтобы с жизнью помирить
Всех обиженных,
Сотни лет мне надо жить,
Лет возвышенных.

Дай, земля, на это сил,
Небо — высоты,
Чтоб я в сердце сохранил
Бога доброты.

ЭТО ПОЛЕ

Поле детства заросло травой,
Безмятежным рослым сосняком.
Неужели никогда с тобою
Не ходили здесь мы босиком?
Неужели не цвели ромашки
Под веселой радугой-дугой?
Неужели, не боясь огласки,
Здесь не целовались мы с тобой?
Неужели, неужели, братья,
Не было ни поля, ни ее?!
Коли так, —

достоин я распятья.

Коли так, —

зачем мое жильё?!

Но качнулся лес за синей далью,
Прошептала близ меня земля:
“Дорожи, мой сын, своей печалью.
Это тоже — счастье бытия“.

ГОРИЗОНТ

Горизонт музыкален всегда.
Он сулит и мечту, и удачу.
Шлет органные звуки звезда.
А зарница упавшая
плачет.

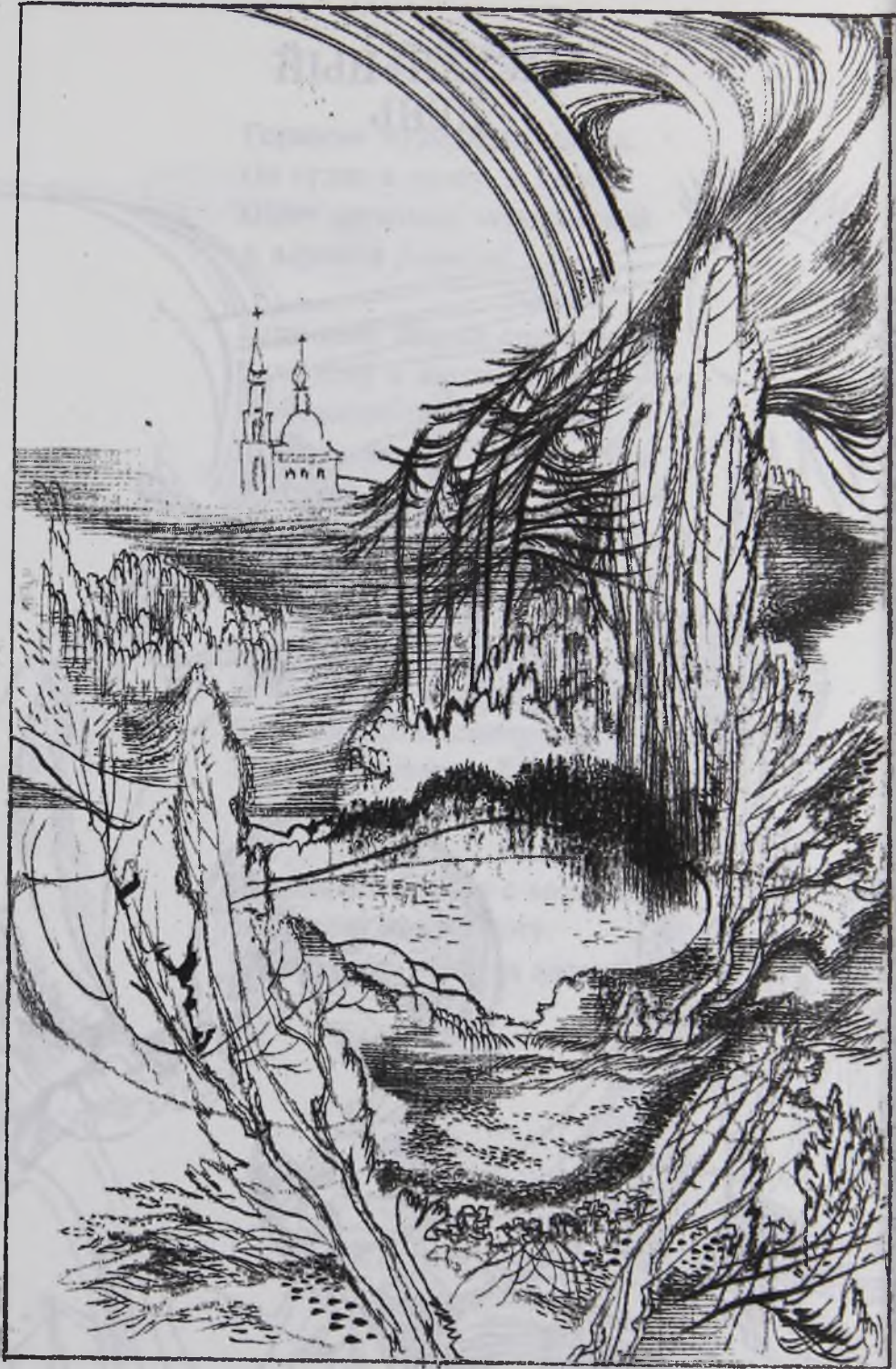
Если дали закрыл снегопад,
Если нету и точки лазури, —
Я тревогою смутной объят,
Я предчувствую молнии бури.
И вокруг кутерьма, а не жизнь.
Люди странной свободе не рады.
Горизонт, я прошу — покажись!
Дай просвет голубой для отрады!
Если музыки нет, то зачем
И моления, и деньги, и вина?!
Даже сплетник становится нем,
И подлец остается без сына.
Я устал, изнемог,
но иду.

Поднимается ветер с востока,
Высветляя мою высоту.
Боже, как до восхода далеко!

ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Кругом снега.
Кругом безлюдье.
И слышу праведный укор.
Когда-то здесь гуляли люди,
Шумел священный хвойный бор.
Снега растают.
Но дороги
Не отыскать в такой глуши.
Тогда попросишь ты у Бога
Отдохновенье для души.
И вспыхнут в памяти картины:
Отец веселый у реки,
Целует мать меньшого сына,
Поют легенды старики;
Ликуют бубны в час вечерний
У солнцеликого костра...
Была пора любви и веры,
Была счастливая пора.

Уходит в ночь вечерняя заря.
Ко мне спешат от горизонта тени.
Зачем пришел на праздник жизни я
Печальным, словно этот день осенний?

Я с детства был во власти синевы,
И облаков, и перекатов грома.
Понять старался разговор травы
И лиственниц языческих у дома.

И понял: я душою от небес.
И этой верой, друг мой, в жизни грейся.
Но как же мой кедровый синий лес,
Услышит ли тогда позывы сердца?

Порой клянусь я свой клочок земли:
Пусти, сегодня надо быть мне в небе!
И слышу голос вспаханной земли:
— А там найдешь мою горбушку хлеба?

— Не знаю. Отпусти.

— Ну что ж, лети,

Мать по судьбе — от боли, от разлуки. —
И на прощанье я припал к груди:
Благослови на подвиг и на муки!

ЧУВСТВО ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

О чувство первое любви,
Оно в душе, оно в крови.
О чувство первое любви!
О руки милые твои!
В движенье их — смятенье, грусть.
Глаза твои... Я их боюсь:
Вдруг позовешь меня без слов,
А я не так пойму твой зов.
О чувство первое любви,
Упреки тайные твои.
О цепи радости, стыда.
А с ними муки. Так всегда.
Но вот он, вот желанный миг! —
Губами я к губам приник.
И этот вздох глубокий твой.
И взгляд доверчивый такой,
Такой внимательно-живой,
Пугливый, страстный, озорной,
Туманно-тихий, нежный взгляд.
Я весь в огне, тобой объят.

Я об одном тебя молю
И слышу наконец: “Люблю!..”

ЛАРИСА

Я знаки Севера, Лариса,
Читаю в имени твоём —
Лосиха, ласка, голубица,
Зарянка — утренняя птица —
И серебристый окоём.

Забудь, душа, свои потери,
Для новых встреч с тобой живём.
И я распахиваю двери,
Тебе я, как Природе, верю,
Лариса, освети мой дом.

И, словно радуга, Лариса,
Вошла ты в мой сосновый дом.
Запела утренняя птица,
И улыбнулась голубица,
И, салютуя, грянул гром.

ГИМН БЕРЕЗОВОМУ СОКУ

В корнях березы бродит сок.
Ждут годовые кольца,
Когда ему настанет срок,
Когда он в ствол прольется.
Хмельна береза в этот час,
По жилам жизнь клокочет.
От сока опьянев,

косач

Над вороном хохочет.
Вещун на косача сердит,
Ему веселье в тягость.
А на земле-то пир стоит,
А на земле-то радость.
Спешат к березе стар и мал
Испить живого сока,
Чтоб горестей никто не знал
И не старел до срока.

БРИГАНТИНА

Было празднично.
Пахло в садах абрикосами.
Ветер моря,
 как бабочка,
 цвел у лица.
Я купил “Бригантину” в ларьке Феодосии.
Я сегодня похож на лихого купца.

Я несу “Бригантину”,
 и у взрослых прохожих
Загораются детским восторгом глаза.
Я иду с “Бригантиной” цветочной порошею,
Будто крымские маки,
 у ней паруса.
Все слышнее прибой —
 голос моря органного,
Море ждет “Бригантину” —
 как звонкую весть.

Знаю, люди мои, —
 в мире много желанного!
Знаю, люди мои, —
 создан мир для чудес!

В ХОРТОБАДСКОЙ СТЕПИ

В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...
Мчатся кони.
Гудит от копыт вышина.
Неужели в степи запылала война?
Эй, потомки гусар и потомки князей,
Вы седлайте скорее отважных коней!
Пусть узнают враги гнев и силу мадьяр...
Наши думы ярки, как заката пожар.
Смотрим в дали, как в очи любимых своих.
Ой, как много веков там осталось лихих!
Мы скакали к тебе, Хортобадь, сквозь бои,
Потому нам и дороги дали твои.
В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...

ВЕЧЕРНИЙ БАЛАТОН

Колоколов вечерний бой,
Земля и небо в перезвонах.
И цвета ели голубой
Живые воды Балатона.
Нас в небеса сейчас зовет
И музыка, и тучек ярус.
И кажется, что не плывет,
А ввысь летит далекий парус.
И не скрывает в этот миг
Душа восторженного стона.
Забумчив Балатона лик.
Земля и небо в перезвонах.

Тамаре Джаффаровой

Был Лермонтов ранен в опале
Твоей красотой, Кавказ.
Звучит о царице Тамаре
Гитарной струною рассказ.
И, раненный дивной строкою,
В мечтах на Кавказ я летел.
И в очи царицы с тоскою,
С любовью и верой глядел...
Мечты, окрыленные детством,
Я с вами расстаться не смог.
Нам странствовать вместе по свету,
Мы нынче спешим на Восток.
Ташкент распахнул свои дали
В тревожный для города час.
Ташкентцы меня привечали
Черешнями жаркими глаз.
И, как от подземных ударов,
Моя всколыхнулась душа:
Тамара, царица Тамара
Навстречу мне царственно шла.
О лунные руки и плечи,
Лукаво мерцающий взгляд!
О стане цветастые речи
На платье цветы говорят.
Так пойте, зурна и гитара,
Про этот мерцающий свет!
Своею царицей, Тамара,
Тебя называет Ташкент.

РЕРИХ

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил...
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.

Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он молча в даль небес глядит.

Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.

И снова горы, горы, горы,
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
Поклон от Волги принесли?..

МЯТЕЖ ЗОДЧИХ

*“В стране давно нет
архитектуры...”
(Из разговора)*

У наших зданий нет полета,
Они угрюмы, тяжелы.
И в зданьях у людей забота —
Достать дубовые столы.

Нет мастерства и вдохновенья
На стройке с лозунгом “Скорей!..”
Живут далеких дней творенья,
Извечно радуя людей.

У мастеров закон и право —
Творить от сердца, от любви.
Спас на крови —

храм величавый,
Молюсь на купола твои.

Творенья рук —
как вызов Богу,

Как вознесение души.
Зовут ослушника в дорогу
И храм Софии, и Кижы...

Я слышу реквием порталов,
Звучит симфония колонн.
И флейты белоснежных залов
В сердцах рождают сладкий сон.

Душа поверить не хотела,
Сейчас поверила мечте.
Природа зодчему велела
Служить мятежно

Красоте.

Сыну Ване

Улыбка ребенка во сне
Вовеки ни с чем не сравнима.
В ней солнце, в ней трепет любви.
А разве любовь объяснима?

Природа так верит тебе,
Устала она от обмана.
— Что снилось во сне, расскажи?
— Огромное солнце и мама!

ПРИХОД ВЕСНЫ

Десантниками стали облака —
Оранжевые в небе купола.
И крона солнцеликого ствола
Сегодня зарумянилась слегка.
И щеки зарумянились твои,
И тайнами наполнилась душа
От запаха разбуженной хвои,
От радости рабочей мураша.
И верим, верим мы любви сейчас,
И в мире нету возрастных границ.
Я пью восторг и губ твоих, и глаз,
И пью росинки теплые ресниц.
И ради этих редкостных минут
Играет солнце, облака цветут.

ГОЛУБЫЕ ДОЖДИ

Над Долиной ручьев голубые просветы,
Над Долиной ручьев голубые дожди.
И машу я рукой уходящему лету,
И от чувства потери шепчу я:
прости.

Над Долиной поют серебристые флейты —
Это гуси мой край покидают, скорбя.
Вы, деревья мои, тучи неба развеите,
Дайте радуге взять синевы из ручья.

Мой таежный ручей —
мои светлые слезы
И души одинокой, и желтой хвои.
Пусть рождаются в мире веселые грозы,
Пусть зовут они каждое сердце к любви.

Голубые дожди над Долиной стихают.
Постою, погрущу в листопадной тиши.
Вот бы встретить весной
прилетевшую стаю
Не угаснувшим в бедах
восторгом души...

ИУДА

Мы делим землю, делим вещи,
Мы делим реки и леса..
Молчит до срока голос вещей,
Молчат до срока небеса.

Из мрака заговоров, блуда
Беда в Отечество пришла.
В одеждах белых был Иуда,
Брал хлеб с крестьянского стола.

И мы поверили —
возможно,
К нам стала доброй высота.
А мы не ведали,
что ложью
Пропитаны его уста.

Он ядовито улыбался.
А мы шептали: это друг.
Иуда искренне смеялся,
Доверье бросив под каблук.

Носитель зла —
он всюду просит
Высоких благ, тая обман.
Он тридцать сребреников носит,
Как самый верный талисман.

Снимая казенную маску,
 Житейской боясь новизны,
 Уходят на отдых,
 как в сказку,

Высокие наши чины.
 Поверив в бессмертие чина,
 А значит, — персоны своей,
 Они, как послушного сына,
 Послушных лепили людей.
 И сами послушными были
 Пред теми,

кто выше стоит.

О днях милосердных забыли.
 Но память на старости мстит.
 И вот на ухоженной даче
 Один из таких стариков
 Однажды проснулся от плача,
 Проснулся от горестных снов:
 Отец у могилы дорожной,
 Пустые родные поля,
 Приснились ему, как нарочно,
 Забытые в бедах друзья.
 Он сел.

Тишина роковая,
 Она — как судья для него.
 И капля скупая

святая

Упала в ладошку его.

И боль —

будто в сердце заноза,

И ты, человек, не дыши.

И понял —

да это же слезы

Его покаянной души.

ЗАБЫТОЕ КЛАДБИЩЕ

Безутешней нету места,
Тишина, покой окрест.
Толя, Толька, друг мой детства,
Где же твой могильный крест?

Память птицей белокрылой
Улетела в даль дорог.
Даже матушка забыла
Твой печальный бугорок.

Позабыты папы, мамы,
Позабыты сыновья,
Позабыты ветераны,
Спят, раскаянье тая.

Веру в правду, нашу веру
Время бросило к ногам.
Толя, Толька, друг мой верный,
Ты ушел из жизни сам.

День минувший, день минувший,
Я сейчас тебе — судья.
Ты посеял равнодушие,
Проклинаю я тебя.

Если я забуду брата,
Мать забуду, сын шальной, —
Ты приходи ко мне, расплата,
Одиночеством, тоской.

Поднимаю крест упавший,
И оградку обновлю.
Спи, дружок мой бесшабашный,
За двоих я жизнь люблю.

От медной тучи —
импульсы беды.
Смотрите,
съежились берез листы.
Глядите,
листья ивы, как спираль,
Уже багрово-красной
стала даль.
Угрюмый ветер
воет и свистит,
И пыль Земли,
и пыль небес летит.
И человек тревожно-робким стал:
Он перед бурей,
как песчинка, мал!
И вздрагивают
в аэропорту
Сверхпрочными телами
наши "Ту".
Кажись, мгновенье жизни нам дано,
Потом все будет
бурей сметено.
В мгновенье это стали все равны
От маршала до муравья страны.
Нет сил таких,
чтоб бурю усмирить,
Она простит нас, —
значит, будем жить.

В ОКТЯБРЕ

Он распутан —
Клубок нашей жизни осенней,
Во-он последние нити моих журавлей.
Но остался твой голос —
Твое огорченье —
Металлический шелест листвы тополей.

ЗОЛОТОЙ ПАДУН

В золотом падуне листопадная вьюга гуляет.
В золотом падуне радость с грустью в измену играет.
И глаза твои смотрят в меня сквозь деревьев просветы,
В них такое лукавое жаркое светится лето.

В золотом падуне блики осени, будто котят,
Рыжим пламенем их согреваться, наверно, не надо.
Ведь, родная, не раз мы обмануты были с тобою
Листопадом страстей

вихревой листопадной порою.

В золотом падуне вдруг теряются трезвые мысли.
В небе алые кружатся, кружатся, кружатся листья.
В золотом падуне кто-то плачет

и кто-то смеется.

Безмятежных в моем золотом падуне не найдется.

*“Есть, есть душевной силы
люди в России.
Они-то и есть корни,
корешки нашей жизни”.*
(Из разговора)

*Анатолию Семеновичу Канищеву —
патриоту таежного края.*

Никуда нам от сельских привычек не деться,
И тайгу нам с тобою покинуть нельзя.
От улыбки твоей возвращаюсь я в детство, —
Отпускаю в реку золотого язя.

В пассажирском вагоне мы мчимся лесами,
Разговор наш течет, как в бору ручеек.
Словно добрая мать,
наша Родина с нами,
Ибо ты ее вечно живой корешок.

Тихо радуюсь я, Анатолий Семеныч,
И разумности слов, и размаху души.
Говори же, прошу, Анатолий Семеныч,
Как живется тебе в комариной глуши?

“Содержу я хозяйство в надежде и справе,
И коровушек сам я на зорьке дою.
Как ведется в доме, —
ребятишек ораву
И своих, и чужих молоком напою.

Тракторист я, — ведет свою повесть Канищев, —
Эх, пашу —

как гуляю по нашим полям!
И чего человек колобродит да ищет,
Так тоскует земля по надежным рукам!

Ой, как много еще бурелома на свете,
И в лесах отдаленных, и в душах людей!
Так и видится мне вся земля на рассвете
В удивительной нови и правде своей...”

И задумался ты, —
взгляд пронзительно синий, —
Коренастый крепыш,
не свалить тебя с ног.
Вот с такими, как ты,
будет в славе Россия,
Ибо ты ее вечно живой корешок.

Ах, пусть по-хорошему поозоруют
Красивые женщины...

... выпью за них я чуток.
Я слышу, как море шевелит боками.
И галька шуршит,
и колышет медузы волна,
И рыжее солнце встает над горами.
Душа моя снова покоя и грусти полна.

Я понял день,
я понял травы,
Узнав желания твои.
И мы с тобой сегодня правы,
Укрывшись пологом любви.

xxx

Иду за стихами к лесному ручью.
Сначала я воду душистую пью.
Сначала с березой веду разговор
Про этот раздумчивый синий простор.
Береза смеется,
и ласков ручей.
И музыка слышится в пляске лучей.
Рождается музыка, музыка дня,
О чудо! — она поднимает меня.
А может душа воспарила моя?
Не знаю, не помню, не ведаю я.
Я слышу, я вижу, поверьте, слова
Цветастые, как луговая трава.
И я от восторга в полете притих,
Вот в это мгновенье родился мой стих.

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Даже сквозь тучи ты мне улыбайся,
Даже сквозь слезы, о жизнь.
Есть в листопаде мелодия вальса,
Милая, в вальсе кружись.

Там, вдалеке от меня, не печалься,
Осень для счастья горит.
От горизонта мелодия вальса
В сад мой цветущий спешит.

Белую вьюгу таят хризантемы,
Астры влюбленно глядят.
Звуки крылатые дарит нам время.
Пары, танцуя, летят.

Дамы, примите букет георгинов —
Символ своей красоты,
Смотрят на вас озаренно мужчины,
Давние вспомнив мечты.

Даже сквозь тучу ты мне улыбайся,
Даже сквозь слезы, о жизнь.
В музыке вальса, в музыке вальса,
Мир, восхищенно кружись.

В логу всегда поет ручей,
В логу цветы благоухают.
Иди сюда, иди скорей,
Мои цветы тебя признают.

Они доверчиво тебе
Расскажут о моих страданиях...
Я невидимкой по тропе
За вашим прослежу свиданьем.

Когда оранжевый цветок
С губами спелыми сольется,
Моей любви горячей ток
Твоей души тогда коснется.

И буду счастлив, если ты
Задумаешься

и невольно

Мои притихшие цветы
Улыбкой озаришь влюбленной.

*В старину у манси бытовал обычай
показывать невесту священному медведю.
От его поведения многое зависело.*

Нет шумней в селеньях вести,
Чем такая —

страх сказать:

Водят по лесу невесту,
Чтоб медведю показать.

Он у нас мудрец старинный —
С ним, подруга, не схитришь:
Или ты, Таись, невинна,
Или... грех не утаишь.

По тропе идет невеста,
Не боится — не одна.
Есть в тайге такое место,
Где коварна тишина.

А жених идет с надеждой,
И седой отец идет.
От орнаментов одежда —
Будто радуга цветет.

Глухо ойкнула невеста:
Поперек тропы — медведь
На дыбах стоит, ни с места.
Успевай, жених, смотреть.

Как брусника, покраснела
Кареглазая Таись.
Покраснела, побледнела,
Вот, жених, и разберись:

Иль в грехе своем призналась
Ни жива и ни мертва?
Или вправду испугалась —
Дышит, бедная, едва?

А медведь ревет и скалит
Зубы желтые свои.
И свидетели сказали:
“Речи поняли твои.

Помасипа, помасипа! —
Ой, спасибо! Ой, спасибо!

Для Таись навек закрыта
Наша честная семья!“
У невесты от обиды
Слезы льются в три ручья.

Ты не плачь, не плачь, Таись,
Вновь медведю покажись.

ИДОЛ-ПРИШЕЛЕЦ

В. В. Заволжину

Мой идол, по слухам, с небес прилетел
И возле амбара священного сел.
И прадед,
 как пулей подкошенный пал,
Когда на восходе его увидал.
Обугленно-черный от тяжкой судьбы,
Пришелец глядел на мерцанье звезды.
Последней звезды, уходившей от нас,
И красные слезы катились из глаз.
И понял мой прадед без стона и слов,
Что видит, счастливец, посланца богов.
И молча он к идолу руки простер,
Но идол смотрел в поднебесный простор.
А с речки туман наплывал, наплывал,
Он идола словно с земли поднимал.
И прадед от страха домой побежал...
Я идола помню.

 И помню амбар,
Куда мы носили для идола дар.
И, близко не смея к нему подойти,
Мы странные чувства таили в груди:
Почтенье, досаду, надежду и страх,
Просили удачи в таежных делах.
К нему свою исповедь каждый имел.
А он отрешенно на небо глядел...
Об идоле многие зло говорят.
А я все гадаю про тот его взгляд.
Видать, оттого я в час горькой беды,
Как идол, гляжу на мерцанье звезды.

УТРО ДОСТОЕВСКОГО

Семеновский плац опоясан штыками,
Семеновский плац окольцован клинками.
И вдруг загремели кругом барабаны,
И красное солнце взмахнуло крылами
Над ним, Достоевским,

и над палачами.

Надели уже на друзей балахоны.
Прощальные вздохи, прощальные стоны.
Он в смертном нелепом стоит одеяньи.
Он станет отныне

Поэтом страданья.

И вечность, и миг —

познаются пред смертью.

Он пережил это.

Теперь вы доверьте

Ему свои судьбы, и горе, и думы, —
Все бедные люди России угрюмой.
Доверься, студент, и чиновник, и нищий,
И князь,

по наличию совести — лишний.

Идут россияне: Раскольников бледный,
Мечтатель спешит вдохновенный, рассветный.
С Настасьей Филипповной, гордой и бойкой,
Рогожин летит на игренево́й тройке.
И братьев зовет Карамазов Алеша...
Россия идет исповедаться, Боже!
О, судьбы людские! — сомнений лавины,
Увидел он тайные в душах глубины.
Сказал он: “Я понял вчера поутру:
Есть в муках —

свободная воля к добру“.

СТАРИННЫЙ ДОМ

Анисимковой М. К.

А дом старинный все стоит.
Он в думе горькой и глубокой:
“Скорблю о тех, кто одинокий...
Нам время за ошибки мстит”.

Ты времени — вечерний звон,
Старинный и печальный дом.

Дом не таит своих морщин,
Он словно мудрый гордый воин.
Дом уважения достоин —
Он памяти житейской сын.

Ты помнишь, дом, ту ночь:
от слез

Счастливых девочка дрожала,
Меня смущенно обнимала
Возле твоей четы берез.

Ты помнишь, дом, моих друзей,
Мои мечты, мои тревоги,
Ты знаешь о моих дорогах,
Там много грома и дождей.

Прощай, прощай, старинный дом!
Ты светлых дум моих смятенье,
Ты смотришь на меня осенне,
И листья кружатся кругом.

Ты времени — вечерний звон,
Старинный и печальный дом.

xxx

После распрей, ссор нелепых,
В тишине стыдясь себя,
Смотрим мы на звезды неба,
Их с надеждою любя.

Дети смотрят с удивленьем
И на вас,

и на меня.

Говорит мне сын с почтеньем:

“Можно... рядом сяду я?

Ты на звездочку какую

Смотришь, папа,

покажи?..“

Сына в голову целую —

И стихает крик души.

Но не гаснет сожаленье

О раздорах, суете.

В горький час ища спасенья,

Обращаем взгляд

к звезде.

А спасенье —

в доброте.

xxx

Загорелась звезда в изголовье.

“Ты мечтал о Венере?

Вот — я!

Ты мечтал о Венере с любовью,

Так летим в голубые края!

Ты забудешь дороги ночные,

Ты забудешь слепящий буран

И березы осенне-нагие...

Ну, зачем это грустное нам?

И чего ты задумался, странный,

Обретишь и мечту, и дворец?!
Распрощайся с Землею туманной,
Ну, чего тебе даст этот лес?..“
Не забыть мне дороги ночные,
Не забыть мне слепящий буран,
И березы осенне-нагие,
И над парусом синий туман.

МОГИЛА ТОЛСТОГО

Обласкана трелями птичьими,
Могила на диво проста.
Здесь чувствует сердце величие,
Здесь в душу глядит высота.

От этого холмика скромного
Неотделим чуткий лес,
И горести мира огромного,
И страсти влюбленных сердец.

Здесь каются, просят прощения,
И плачут светло про себя
Впервые от чувств вознесения,
Впервые покой возлюбя.

Для каждого стало обычаем —
Явиться с поклоном сюда.
Здесь чувствует сердце величие,
Здесь в душу глядит высота.

ОДИНОКИЙ ПОРУЧИК

Развеялись дымные тучи
Над полем вражды и стрельбы.
Стоит одиноко поручик —
Осколок пехотной цепи.

Над полем морозно и ясно.
Березы на поле стоят.
К последней атаке на красных
Готовится белый отряд.

Стоишь ты задумчиво-тихо,
Перчатки в морозной пылице.
Закручены усики лихо
На смуглом красивом лице.

Ты думаешь: “Как совершенны
Березы в январском цвету!..
Забыли мы в схватках смертельных
Природы своей красоту.

Не дикость ли это?!

Довольно

Об этом судить и рядить!
России воюющей больно,
Но некому нас рассудить“.

И будет атака.

Перчатки

Ты бросил на розовый снег,
И топот услышал солдатский.
Прощай, мой расколотый век!

Мы все одиноки по-своему.
И я одинок,
Даже ты —
Такая красивая, знойная,
Не знавшая в жизни беды.

Стоишь на виду у роскошного
Восхода.
Открыты пути.
И с паруса взгляда тревожного
Не можешь сейчас отвести.

Вниманьем друзей избалована,
И, яркую жизнь возлюбя,
Ты хочешь, чтоб ныне взволнованно
Позвал я в дорогу тебя.

Но... дума моя одинокая
Живет уже бурей ветров.
Плыву.
И луна краснобокая
Садится на гребни валов.

Я падаю птицею раненой,
Но снова беру высоту...
И в этой стихии отчаянной
Я пережил грусть и беду.

Так вот почему одиночества
Просил я с мольбою, волна:
Ведь в буре есть музыка творчества.
Мне музыка эта нужна.

xxx

Поэту дан бунтарский склад души.
Душе дай небо,
красоту Вселенной!
А я твержу ей, гордой и смятенной:
Ты будь со мной,
ты будь со мной в тиши.
Душа порой,
как узник, цепи рвет.
И я тогда —
в ее высокой власти.
О, эти редкие минуты счастья! —
Когда со мной земля моя поет.

xxx

Не веря назойливым временщикам,
Фальшивым наградам, фальшивым чинам,
Мы жили,
а время спешило.
Огнем наше время прошло по сердцам,
И наши сердца опалило.

А в мире жестоком жируют ханжи,
А в мире жестоком парадов и лжи
Нельзя нам без мук и боренья.
Мы верим в рассветы мятежной души
И в завтрашний день вознесенья.

xxx

Деянья наши —

в траурной кайме.

Уж слишком в прошлом много было горя —

И миллионы павших на войне,

И миллионы павших от террора.

Мы вновь сурово судим, говорим.

Но даже после всех ошибок горьких

Нет снова милосердия к живым.

Мы милосердые бережем

для мертвых.

xxx

Молчать в беду —

грешно, нелепо.

Колокола,

пора греметь!

На голубые звезды неба

Почаще надо бы смотреть.

Как многое манит и тешит,

И застит яркость звезд уже.

Но слышу неба голос вещей:

Почаще думай о душе.

Шлет импульсы тревожные свои
Мой брат с неведомой планеты.
И руки, руки тянутся мои
К нему во сне,
в его рассветы.

И утро.
Мой кедровник за окном.
В нем — тайна новая, я чую.
И зов, и взгляд мой в небо обращен,
Я по тебе, мой брат, тоскую.
И я твой оклик чувствую порой,
И потому душе тревожно.
Нам очень нужно встретиться с тобой.
Спеши, мой брат,
пока не поздно.

ПЕСНЯ ДЕТСТВА

Гроздья брусники багряны,
Ясно в сосновом бору.
За руку девочку Таню
Тихо и робко беру.

Таня сегодня послушна,
На удивленье мила.
На розоватое ушко
Вдруг паутинка легла.

Льют синеву небосводы,
Гуси трубят в вышине.
И по веленью Природы
Ты улыбаешься мне.

Наши сближаются губы,
Бьются смущенно сердца...
Пойте, небесные трубы!
Пойте, родные леса!

Что говорил я, смятенный,
Знает один только Бог...
День этот благословенный
Так невозвратно далек.

Памяти брата Вани

Здесь я родился,
 Даже тени
 Деревьев

смотрят, грусть тая.

Вдруг от заброшенной деревни
 Взлетела чайка на меня.
 Не отстает от лодки чайка,
 Все кружит, кружит над волной.
 О чем же, птица, без утайки
 Ты хочешь говорить со мной?
 Я вдруг услышал вздох глубокий,
 И в сердце этот вздох проник.
 И от пронзительной тревоги
 В душе родился тихий вскрик.
 Да чья ж душа¹ парит кругами
 И надо мной, и над рекой?
 О, Господи! Наверно, Вани!
 Братишка, родненький, постой!
 А звуки жалобными были.
 И я в тоске молчу, молчу.
 Братишка, мы тебя забыли,
 Лишь Бог хранит твою свечу.
 Прости!

И встал я на колени.

Раскаянье и скорбь тая.
 А чайка кружит над деревней,
 Где все любили мы тебя.

¹По мансийскому поверью души умерших людей вселяются в чаек.

ПОГОНЯ

*Другу детства —
Анатолию Петрушкину*

Нам с тобою, видать, не уйти от погони.
Слышу стоны коней, бесшабашный намет.
У соперника Тольки веселые кони,
Да и сам он отчаянным парнем слывет.

Будто сердце одно нам с тобою досталось,
Заглушает оно стук гремящих копыт.
Ты ко мне, словно листик осенний, прижалась,
А за нами соперник мой, Толька,
летит.

Ах, кукушка так рано сегодня кукует!
И так рано проснулся всезнающий бор.
Если Толька догонит, —

тебя поцелует,

И забыт я тобою —

таков уговор.

Сколько страсти во мне!

Сколько силы и воли! —

Это чувство погони,

и все — от него.

И пускай у соперника лучшие кони,
Но покуда ему до меня далеко...

Ой, как много годков миновало, друг Толька,
С той погони, с той милой счастливой поры!
И другие мальчишки на утренней зорьке
Разжигают в полях голубые костры.

Если сердце взгрустнет,

если сердце застонет,

Гляну в небо, —

в минувшее бы воспарить!

И проснется в душе моей чувство погони.

И скажу я себе:

надо жить! надо жить!

ИСПОВЕДЬ ЧЕЛОВЕКА, ЛИШЕННОГО ДЕТСТВА

Я в детстве почти не купался,
Я в поле с утра надрывался,
Полос сорняки я, стеная.
Я место готовил для рая.
Ой, как мне хочется сейчас купаться!

Я в детстве почти не смеялся,
Я мачехи пьяной боялся.
Пошто она смех не любила?!
Пошто за улыбку лупила?!
Люди, вы прекрасны, когда смеетесь!

Сейчас я все лето купаюсь.
И, взрослый, всегда улыбаюсь.
За это порой оскорбляют,
И все чудачком называют.
Может, я и вправду чудак? Скажи, поэт?

— Скажу я словами пророка:
Чудак — это истина Бога.
Уйдя от людской укоризны,
Живи, брат, по-своему в жизни.
Детство все-таки нашло тебя. Обними его.

Бор кедровый, качанье стволов...
Дай, Природа, немного покоя.
Я устал от газетных лжецов,
Я устал от вселенского горя.

Разведу костерок у ручья.
Близ священного кедра большого.
И воспрянет надежда моя,
И воспрянет уверенность снова.

За свою вышину и тропу
Посреди и тоски, и раздора
Я свою доверяю судьбу
В этот час перевозданному бору.

Волны звуков плывут надо мной,
Так вот море приветно рокочет.
Я веду разговор с вышиной,
И она мне удачу пророчит.

Брату Владимиру

Рдеют тучки над закатом,
 Чайки веселы.
 Сосны дарят ароматы
 Хвои и смолы.

Замираю от волненья —
 Тонет поплавок.
 Ерш, достойный восхищенья,
 Проглотил крючок.

Р-раз! — и мой герой взлетает,
 В воздухе дрожа.
 Речка Аутья вздыхает,
 Видно, жаль ерша.

Укатилось в лес еловый
 Солнце на покой.
 Клев — вовсю!

И я, веселый,
 В ночь иду домой.

Птицы спят.
 А щучья травка
 Дремлет на боку.
 Люди, я дарю вам завтра.
 Я вкуснейшую на завтрак
 Вам сварю уху.

СПЯЩАЯ БАБОЧКА

Спящая бабочка в доме
На паутине, на клене¹.
Бабушка в горнице ходит,
С бабочки взгляда не сводит.
Внукам Сереже и Вите
Шепчет она: “Не шалите.
Дверью не хлопайте, дети.
Снится ей сказка о лете...
Вдруг паутинка порвется,
Бабочка тотчас проснется.
Мир ее хрупок и тонок,
Бабочка тот же ребенок“.

А за окошком морозы,
В инее красном березы.
Бабушка тихо вздыхает,
Сердце ее замирает.
“Пусть до весеннего грома
Спит наша бабочка дома“.

¹Клен — декоративное растение.

Вдыхаю запах сосняка,
Миндальный запах серы.
И словно бы издалека
Приходит чувство веры —
Веселой веры в синий край
И в вечность доброй воли,
Которой я сказал “прощай”
Вчера от горькой боли.
Уж так душе, видать, дано
То плакать, то смеяться,
И, познавая жизни дно,
Высоко подниматься.
Но этот трудный взлет души
Немыслим без участия
Ветров, лесов, цветов во ржи
И мартовского наста.
Зеленым сосняком дышу,
Смотрю его глазами.
Я над землей сейчас лечу
С веселыми стихами.

Удивляюсь синей мгле.
Синей пастой из капли
Ветка вербы на стекле
Нарисована апрелем.
В каждой почке — трепет дня,
Завязь радости и стона
Для тебя и для меня,
Для шмеля и махаона.
У меня восторг в глазах.
Эта ветка — повторенье
Той,
 которая в цветах
Будет завтра, в воскресенье.

ГУМАНОИД ДЕД ЕГОР

*Посвящается истинному таежнику
Петру Николаевичу Филатову*

Пятьдесят последнего размера
У порога валенки стоят.
Страх наводят на любого зверя,
Глухари в испуге вдаль летят,
Если в этих валенках зимою
Дед Егор

выходит на простор.

И качает снежной головою,
Восхищаясь великаном,
бор.

Воздух

скрипом валенок расколот,

След метровый — от носок до пят.

Ходит здесь страшила-гуманоид —

Стар и мал в округе говорят.

А один ученый из Свердловска

След Егора годы изучал.

И по этой теме —

очень броской —

Восемь диссертаций написал.

Он идет — наш гуманоид века,

Делая громадные шаги.

Он во всем похож на человека.

Валенки вот... больно велики.

ХОЛОСТЯКИ

Холостяки, холостяки,
Вы от комфорта далеки,
Вы на подъем всегда легки,
Вы сами, словно рюкзаки.

У вас суждения свои,
Бойтесь вы пока семьи,
Бойтесь волю потерять.
Семейным трудно вас понять.

Холостяки, холостяки.
Вы беззаботны, как мальки
Июльской ласковой реки.
Мне поучать вас не с руки.

Но вдохновенно, словно Бог,
Зову я вас в страну тревог.
И ставьте, ставьте паруса —
Торопят девичьи глаза.

Я — на семейном берегу
И славу мужа берегу.
Познать скорей спешите мир,
Женитесь рано, как Шекспир.

Я трогаю запах рябины рукой,
Немыслимо нынче он пряно-густой.

Течет он из лога Тумана¹ в леса,
Парит над водою, летит в небеса.

Притихший Туман — как задумчивый дол,
Я словно Христос по нему бы прошел.

И рыбы загадочно в небо глядят,
Рябиновый чуют они аромат.

Нам дарят рябины улыбки свои.
Нам всем не хватает сегодня любви.

ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Горбатый пенек обрел свои черты.
Ручей из слез его
На свет родился.
Смеялся над уродом леса ты.
И я твоей жестокости стыдился.

¹Т у м а н — название озера.

ЮЧА

Юча — девушка из сказки,
Дочка снежной Тэли¹.
Но глаза у Ючи милой
Цвета майской ели.

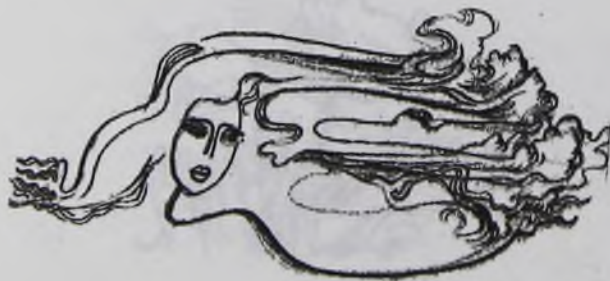
Как идет она проворно
Вся от снежной воли.
Две косы играют, словно
Горностаи в поле.

И метели утихают,
Тают в небе тучи.
Будто радуга сияет
Взгляд прекрасной Ючи.

Доброта ее известна
Каждой птице, зверю.
Вы на стук веселой Ючи
Распахните двери.

Много в мире зла и козней.
К счастью, с колыбели
Нас от них оберегает
Юча — дочка Тэли.

¹Т э л и (манс.) — зима.

Роня слезы на ступени,
Спускались вы, едва дыша.
И полусогнуты колени,
И под глазами дуги-тени,
В смятеньи гордая душа.

Одна, как перст, в своем несчастье.
И перед вами — я в долгу.
Ведь даже скромное участие
В минуту эту станет счастьем.
“Я чем-то вам помочь смогу?..“

О, исповеди горький омут!
Взгляд благодарный синевы!
И надо видеть травам, грому,
Далекому родному дому,
Как вновь красивой стали вы.

ГОРЕ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ

В слезах ты рвешь стихи свои —
Души восторженной признание.
Ты шепчешь: “В мире нет любви.
Мир создан только для страдания.
Он изменил, мальчишка злой,
Моей любви — мечте крылатой.
От жизни, ставшею чужой,
Мне ничего теперь не надо...”
И снова — слезы в три ручья.
А за окном весна ликует.
Сняет чешуей язя
Река,

волна обрыв целует.

О, девочка!

Ты в этот раз

О первый камешек споткнулась.

Мы ждем.

С тебя не сводим глаз,

Чтоб ты сквозь слезы

улыбнулась.

Притворство женщин не от страха.
С притворством женщине легко.
Представьте, ей дала для блага
Природа это естество.

Притворство — как самосохранность.
Тут жест Природы так же прост,
Как ящериц спасает странность —
Дарить врагу на память хвост.

Ведь если сразу нараспашку —
Мужской угаснет интерес.
О, нет, не повторит промашку
Она для радости повес.

Она замужнею предстанет,
Хотя сама, как дым, вольна.
Вдруг ни с того сего устанет.
А то заявит, что больна.

И так притворством изматает,
И так измучает тебя,
Что сердце бедное устанет,
И говоришь: “Любовь моя...”

Мужчина, не держи обиду,
Лишь женщина подарит рай.
Притворство как самозащиту
И как улыбку принимай.

СВАДЕБНЫЕ КОНИ

Кони яркие,
Кони-черти,
Сбруя в бантах и лентах вся.
Я никак не могу поверить,
Что сегодня свадьба твоя.

Кони мчатся.
И я с дороги
Отступаю в глубокий снег.
Гармонист —
здоровяк высокий —
Рассыпает частушки-смех.

В шаль нарядную,
В шаль-подарок
Ты потупила жаркий взгляд.
Кони шальные,
Кони яркие,
Кони свадебные летят.

Шумят мои гордые сосны,
 У озера Мойпыр шумят.
 О чем-то, наверное, просят?
 Увидеть кого-то хотят?
 Их зов мою душу тревожит.
 Уснуть я никак не могу.
 Да что же случилось, о Боже,
 На хвойном моем берегу?!
 Я вышел в полночную темень,
 Мне осень вручила весло;
 "С певучими стаями время
 Проститься надолго
 пришло".

И вот я на озере
 алом
 От хвои, листвы и зари.
 Пернатое царство кричало:
 "Наш друг и товарищ, прости!
 В чужие края улетаю,
 Надежду на встречу тая,
 Хозяином хвойного рая
 Останься,
 мы просим тебя".

Я поднял в согласии руку.
 Но, глянув на дальний простор,
 Обрел я душевную муку,
 Увидев дымы и разор.
 У сосен печальных и строгих
 Развел я костер для души.
 О странном молчании Бога
 Мне думалось в горькой тиши.

ОСЛУШНИК

У той, у запретной черты —
Кедровник — вечерняя сказка.
Его стережет от беды
Стрелы напряженная пляска.
Я — вкрадчивый шорох —
Сейчас
С котомкой-луной за плечами
Пройду за черту, не таясь,
С распахнутыми глазами.
Дрожанье поймал темноты
Рукой, как сова, обостренной.
Но мне не унять маеты
Души и мечты оскорбленной.
Грохочет души барабан
Подобно июльскому грому:
Обман-ба-бам, обман-ба-бам,
Шагнул, будто падаю в омут.
Шагнул я — ослушник-молва,
Но нет уж атаки и тыла;
Охранной стрелы тетива
Уже облегченно вздохнула...

И люди ту жертву мечты
Запечатлеют на камнях:
В руках — по куску темноты,
В глазах — онемевшие тайны.

*Пусть останется в памяти
славная и верная собака Черныш.
(От автора)*

Я сразу Черныша узнал,
Он на меже в крови лежал.

Твою собаку я узнал,
И я о том тебе сказал.

Спросил ты: "Разве он живой?.." —
И нехотя махнул рукой.

А помнишь... ты жестоким рос?
Ежа, смеясь, убил.
Отец, испуганный до слез.
Щенка тебе купил.

Веселый, ласковый, смешной
Щенок всегда ходил с тобой.

А помнишь... ты плутал в мороз?
В снегах молчал Иртыш...
Нашел людей тревожный пес —
Спаситель твой Черныш.

Об этом ты успел забыть,
Стал праздно, непутево жить.

Предатель жалкий,
Черныша

Ты со двора прогнал.
И умерла твоя душа,
А он бродягой стал.

Прощаясь с травами, молчит.

**Черные горные пчелы
Утром ко мне прилетели.
Я их не ждал, испугался,
Окна скорее зашторил.**

**Черные горные пчелы
Долго стучались, шумели,
Что-то сказать мне хотели.**

**Черные горные пчелы
Тихо назад улетели.
Я, человек, их не понял.**

**Вечером роща сгорела,
Вечером море штормило.**

КРЫМСКИЙ ЭТЮД

**Волны фиолетовой лаванды
Близ карминно-розовой скалы.
Уплывают в синеву шаланды,
Уплывают в марево орлы.**

Незабываемое утро —
Горит заря.

В огне Туман.
И сердце пламенеет будто
Душа открыла путь словам.
Лечу над спящею деревней.
Черемухою пахнет лог.
Да кто же я?

Сказитель древний?
А может, юный добрый Бог?
Вы спите, люди,
спите сладко,
Я ваш покой оберегу.
За ваши муки, неполадки
Поплачу я на берегу.
А маме снится сон крикливый, —
За то, что я правдив и смел,
Меня уводят конвоиры,
Меня уводят на расстрел.
Вы спите, люди.

Я, страдая,
Вернусь домой. Услышу я:
— Ты где, мой сын?
— Я здесь, родная.
Я улетел в твои края.

ХРАМ МИЛОСЕРДИЯ

Я удивляюсь облакам
У храма вознесенного...
Звон хрусталя явился к нам,
Стал слаще колокольного.

— Родная, ты куда бежишь,
Ты словно в час любви дрожишь?
— Хрусталь сегодня продают...

Да, продают хрусталь, и ты
В саду работу бросила.
Ты позабыла про цветы,
Униженные росами.

— А вы куда? —
И шепотом:
— За золотом, за золотом, —
Будто к святыне идут. Эх!..

У ювелирного стоит
Очередница длинная.
И вроде гордая на вид,
Но сколько в ней повинного!

— Бабуся, вам уже лет сто?
— Ну, что с того, ну, что с того!
Я тоже хочу золота...

А сколько светит звезд для нас!
Летит корабль космический.
А мы в пороках.

В нас подчас
Жив лик доисторический.

Спасите, люди! Гибнет сын!
В ответ какой-то гражданин:
— Своих забот хватает...

О равнодушие, ты — смерть,
Ты хуже зла поветрия!
Тебе вовек не быть, не петь
Во Храме милосердия.
Я тайны радости постиг.
Храм милосердия воздвиг.

На исповедь беря свой век,
Входи с надеждой, Человек!

Есть у каждого край свой родимый,
Есть заветный отцовский порог.
Есть за Аманьей ток глухариный,
Есть такое местечко, дружок.
Вспоминаю — бора расцветали
Серебристым огнем от зари.
А вокруг в кедраче распевали
Глухари, глухари, глухари.
В то мгновенье душа воспарила,
Будто птица в сиянье лучей.
И жалела, и трудно любила
Непутевых на горе людей.
Я познал роковое прозренье —
Бесшабашно и честно живи
Для Отечества и озаренья,
Что приходит в минуту любви.

ВСТРЕЧА С РОДИНОЙ

С той, с кедровой, родной стороны
Разбегаются волны Тумана.
И тревожного крика полны,
Из логов выплывают они,
Словно чайки рыбацкого стана.

И поют на валах паруса,
В этой песне отвага и мука.
Как спасти от пожаров леса,
Как спасти вас, мои небеса,
И тебя, ветровая излука?!

Мой вопрос, ты, как факел,
гори!

Рассыпаются тучи обмана.
Мой простор, ты со мной говори
О живительной силе любви
Голубыми валами Тумана.

Жить на свете без вас не могу,
Кедры детства и волны удачи.
На песчаном стою берегу
У тебя, мой Туман, на виду,
Как ребенок, от радости плачу.

ПОЛЕВАЯ МЕЖА

*Полевая межа —
Это поля душа*

Полевая межа, ты любима,
Ты сегодня в июльском цвету.
И тебя в этой синей долине
Я душе для покоя найду.

Я оставил все распри далеко,
Я забыл про людскую вражду.
Удивительно быть одиноким
В полевом незнакомом саду.

Будто брат к голове прислонился,
Наклонился ко мне зверобой.
И душистый выюнок, словно птица,
Говорит о меже полевой.

Праздник жизни!

Он перед глазами —
В каждой травке, в цветке и в душе.
Шар земной обнимая руками,
Я лежу на цветущей меже.

ШАИМ

Шаим, как раненая птица.
Все прячет голову в крыло.
Шаим у озера ютится —
Когда-то громкое село.
Здесь сосны небо подпирали,
Здесь рыбу черпали ведром.
Отсюда девок в жены брали,
Чтоб этим хвастаться потом.
Когда геологи впервые
Сюда уверенно пришли,
Они гитары ветровые
И много воли принесли.
И нефть нашли. “Ура“ кричали.
А в час закатный у реки
В туманные смотрели дали
С печальной думой рыбаки.
И следопыты горевали:
Ушел далеко соболек.
Свою деревню покидали —
Развилку шумную дорог...
И вот я вновь в родном Шаиме.
Сосновый и озерный край,
Стране твое известно имя
И город нефтяной Урай.
Но сам Шаим в плену заката.
Живут здесь только старики.
Давно нет сосен в три обхвата,
Нет озера и той реки,
Что в мае щукою резвится
И дарит парус и весло...
Шаим, как раненая птица,
Все прячет голову в крыло.

ПОЭТ

Вадиму Кузнецову

Голубичник краем поля
От дождя в сосняк бежит.
А поэт —

 такая доля —
Под березой чутко спит.
Спит устало и тревожно,
Спит, как воин, на меже.
И стихи —

 вполне возможно —
Зреют в этот час в душе.
Он проснется, отряхнется
От дождинок и листвы,
И березе улыбнется —
Сын Природы, сын молвы.
Нелегка его дорога,
Будет он шагать всю ночь.
Он спешит на зов народа,
Чтоб обиженным помочь.

УШЛИ В ПОДПОЛЬЕ

(Шутка)

Не жить писателям на воле:
Угрозы, козни, сплетен яд.
И вот ушли они в подполье, —
Об этом всюду говорят.

Стихов не стало в злом эфире,
Не слышно песен — ой, тоска!
Аж климат изменился в мире —
Все ураганы и пурга.

— Да, что за черт! — вскричали мэры. —
Скорей писателей сыскать.
Откроем им редакций двери,
Их книги станем издавать.

На поиск брошены разведка,
Милиция, лихой ОМОН.
А вести мэрам —

горше редьки:

Стоит в селеньях вой и стон:
“Не выйдем мы без песен в поле!”
Узнав о горести такой,
Поэты первые подполье
Покинули,
гордясь собой,

Стояла ночь.

Цвели рябины.

Писатели все шли и шли.
Шептали: “Здравствуй, люд родимый”, —
Познав величие души.

А утром митинги и речи.
Ах, сколько было милых встреч!
Народное постановило вече —
Пора писателей беречь.

Сосновая роща далеко.
 В той роще под кроной сосны
 Лучится любимой дорога
 И ягоды зреют весны.

И слышится голос знакомый:
 “Любимый, что надо, проси...”
 Прощайте, турбинные громы
 И шорох полночный такси!

Мои тут озера и реки,
 Я края соснового сын.
 И я остаюсь здесь навеки
 Тобою и лесом любим.

К НЕВЕ

Сегодня ты — как дикий зверь,
 Но укрощенный, усмиренный.
 И я стою, в тебя влюбленный,
 Я тоже милостив теперь.
 Мы гнев оставим про запас.
 Он пригодится нам с тобою,
 Когда нас призовут к покою:
 Оставьте честный свой рассказ!
 И мы тогда покажем нрав,
 Как дети верные Природы.
 Вздымай, Нева, повыше воды!
 Ведь кто сильнее —

тот вроде прав.

Мы против этого — навек!
 И потому с тобой бунтуем,
 От правоты своей ликуем,
 От правоты лесов и рек.

*Замечательному Учителю
и Человеку—
Виргии Карловне Эрлих*

Снежный февральский рассвет,
Музыка неба и поля.

— Ваша метелица, Фет?

— Да, моя белая воля.

Стежки-дороженьки нет.

В поле застрянет и нарта.

И улыбается Фет:

— Вьюга пугается марта.

Ласки¹ встревоженный след.

Верба красна над рекою.

Глянул восторженно Фет:

— Это пахнуло весной.

Вечер.

И, словно сова,

В чаще скрывается вьюга.

В эти минуты слова —

Словно объятия друга.

Вот и звезды моей свет.

Как он лучисто пылает.

Смотрит загадочно Фет:

— В небе сирень расцветает.

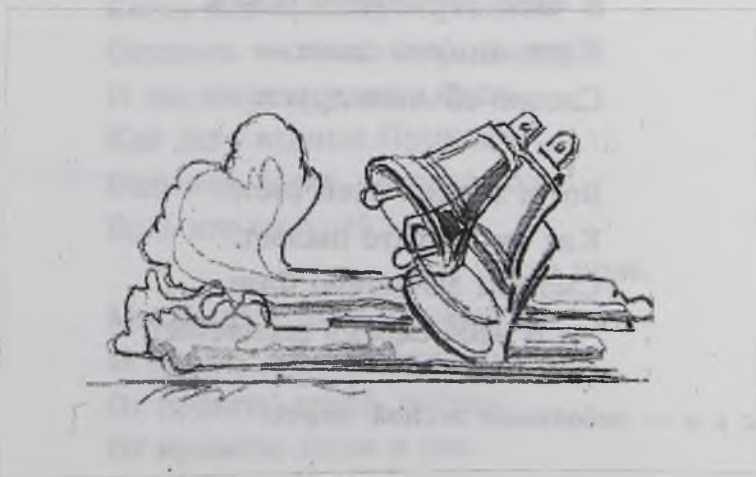
¹Л а с к а — небольшой лесной зверек.

КУПОЛА ТОБОЛЬСКА

Остану Шрубe, художнику

Купола.

Как тот звонарь безвестный,
Я пред ними замер, не дыша,
В них истории гнездятся веси.
В них мятежных россиян душа.
Вот какая сила, добры люди,
Вас сюда на исповедь вела!
Соловей Алябьева повсюду
Славит ваше диво, купола.
И гремят по облакам копыта
Горбунка, волшебного конька.
По дороге, грозами омытой,
Он летит на зов тоболяка.
И пророчит нам победный поиск
Сказочника дерзкая строка.
Голубые купола Тобольска
В небесах плывут,
Плывут века.

*Не умирай, пока живешь.
(Галльская поговорка)*

Небесной манны, видно, ждешь —
Считаешь облака.
Не умирай, пока живешь,
Вот именно — пока.

А кедр цветет.
И зреет рожь.
И место есть в тени.
Не умирай, пока живешь,
Бери же эти дни.

Я грешен сам.
Большую дань
Я водке уплатил.
Живой воды от горьких ран
Сейчас бы я испил.

Но... нет ее.
И как вернешь
Обиженный свой час?!.
Не умирай, пока живешь,
Гори душой сейчас.

Я каждый день хожу к заливу,
 Мы в тайном заговоре с ним.
 Мы копим бурю терпеливо,
 И это про себя таим.

Но грянет день мечты просторной,
 Сметая накипь темноты.
 Проснется мир для животворной,
 Для ураганной красоты.

— Ты все готов друзьям отдать, —
 Жизнь говорит с любовью строгой. —
 Должна и щедрость меру знать,
 Быть осмотрительной в дороге.

Но если будут полущедость
 И полувера,

ведь тогда

Жить рядом станут полуверность
 И — страшно — полукрасота.

Дарить — так все:

И смех, и деньги,

И ноша за спиной легка.

Дарю берез апрельских серьги

И утренние облака.

Где же подлости мера, скажите,
Если нам изменяют друзья?
В дверь мою вы теперь не стучите,
Стал отныне затворником я.
Тихо-тихо,
Я неба не вижу,
Я живу в позабытом дому.
Сам теперь никого не обижу
И обиду ничью не приму.
Я отрекся от белого света,
Я не верю ничьей красоте...
Запах спелой морошки и кедров
Невзначай до меня долетел.
Что такое случилось? —
Я вижу
Снова милые с детства края,
Голос леса весеннего слышу
И раскаяньем мучаюсь я.
Я прощаю жестокость обиды,
Вас прощаю, бывшие друзья,
Ветры,
дверь поскорей распахните,
Так по грозам соскучился я!

Ради новых ошибок живу, —
 Я на голос отвечаю вещей, —
 Ради новой росы на траву,
 Ради нового взгляда на вещи.
 Потому улететь не боюсь.
 На орбиты космических высей.
 В бесконечности той повторюсь
 Благородными генами мыслей...

*Венгерскому другу
 Керести Ференцу*

Паруса снимает с лодок осень.
 Воздух звонок,
 словно стон струны.

Принеси мне, ветер, запах сосен
 С той туманной дикой стороны.

Там остались идолы и сказки,
 И олень задумчивый в бору.
 И берестяным веселым маскам
 Больше не смеяться на пиру.

Черный идол поседел от горя:
 На сто верст в округе — ни души.
 По чужой беспрекословной воле
 Вы, мои язычники, ушли.

Я и сам от родины далеко.
 Мой священный лес давно сгорел.
 И горжусь,

что по велению Бога
 Я об этом рассказать сумел.

Парус мой берет с улыбкой осень.
Надо продержаться до весны.
Принеси мне, ветер, запах сосен
С той туманной дикой стороны.

xxx

Как быстро наплывают облака.
Лазурь в кольце.

Уже ее не стало.
И гладь воды наморщилась слегка,
И лилий обозначились овалы.
За облаками — туч лиловых строй.
На них глядит с тревогой

мать у дома.

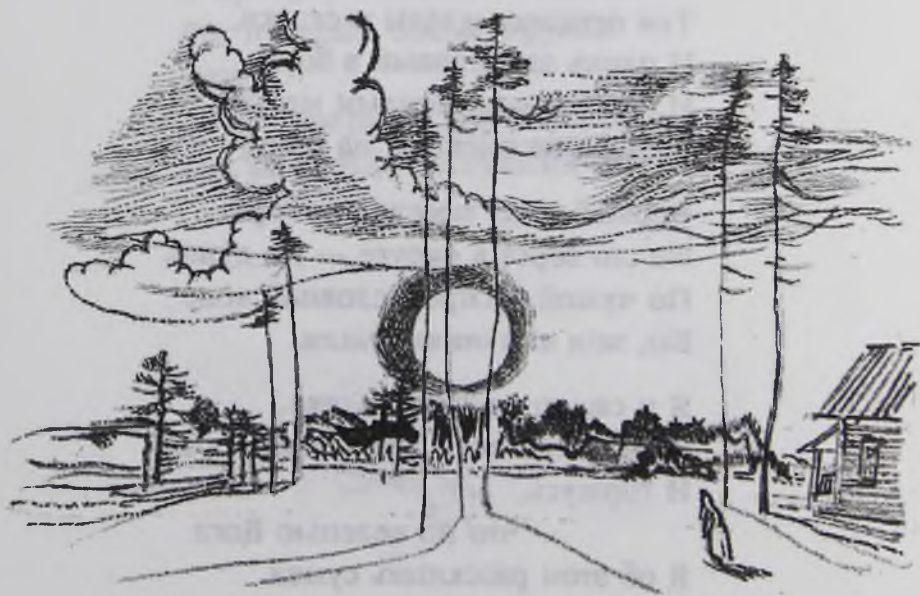
Пахнуло медом трав,

каленую сосной,

Лосиною знакомой стороной.

Остался миг

до первых звуков грома.

ПРАЗДНИК ГРОМА

Над притаившимся бором,
Над Иртышом,
Над бударкой,
Над рыбаком у запора —
Гром,
И веселый, и жаркий.
Тр-р-ах! —
И расколото небо —
Выросли красные горы.
И покрасневшие гребни
Просят защиты у бора.
Что мы торопимся, люди?
Небо нам с детства знакомо!
Травы ликуют повсюду,
Праздник сегодня у грома.
Гром,
По-весеннему праздной
Радуг стоцветных пожары.
Не для трусливых и праздных
Майского грома удары...
Гром,
Хохочи, торжествуя;
Прячутся в душевные норы
Злоба, измена...
Иду я,
И зеленеют просторы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Необходимое предисловие	7
Чудаки	9
Казанский вокзал	10
К другу	11
„Как зелена сегодня луговина!..“	12
Дума о дальнем	13
Исповедь эмигранта	14
К незнакомке	15
„А снег не тает...“	17
Ночной поединок	18
Вербное воскресенье	19
„Тени мерцающе с веток упали...“	20
Пасха	21
„Угасает закат...“	22
Умершие деревни	23
„Я поэт...“	28
„Сосновый бор до стога раскален...“	30
Элентур	31
Исповедь волка	32
Пожар	33
Толпа	34
„Много траура в праздничном черном костюме...“	35
К военному летчику	36

„В палисаде горят георгины...“	37
„Соловей поет...“	—
Моя деревня	38
На речной пристани	40
Ограда	41
Вечный бой	42
Жалость	43
„Мой сон — серебристые крылья орлов...“	44
„Под куполом ночного неба...“	45
„Не верю в стих...“	—
О жадности	46
Брежнев	47
Вчерашний раб	48
„Не приходи сегодня, гений...“	49
Прозревший сторож	50
„На беды...“	52
К мужчинам	—
„Поплакать надо над собой...“	53
Случай в Доме отдыха	54
„Гроза из дальних-дальних странствий...“	55
Черный ворон	56
Лишний	57
„Рати елей охраняют...“	58
Сумерки	—
„С годами улетает смех...“	59
„Вчера подруге заявила...“	61
„Я ушел с пешеходной дороги...“	62
Послушный зяблик	63
Дума у спиленного дерева	64
Костер Вавилова	65
Первая августовская ночь	66
„Не пойму себя я без Природы...“	—
Прощанье	67
Таежный ручей	68
„Не зря, конечно, величают...“	69

О зависти	70
День боренья	71
Майское половодье	72
„У сна...“	—
„Как в чудо первой сказки я поверил!..“	73
„В предгрозовом тумане вижу...“	74
Песня о забытой дороге	75
Дума злого духа	76
Звездный час	77
К тебе, столица	78
Актеры	79
„Колониальные товары...“	80
Исповедь сатанинской ночи	81
„Неужели сегодня расстанемся...“	82
Береза и старик	83
„Вижу я родные лица...“	84
„Даль покрылась поющими птицами...“	85
„Йодисто-рыжи апрельские шишки у ели:..“	—
„Мадыарские скрипки рыдают в степи...“	86
„У железных людей...“	—
„Они — как боль в моих глазах...“	87
„Сегодня глухарку возьму...“	—
Предзорье	88
„Рыбачили, сено косили...“	—
„Мы в чем-то, право, дикари...“	89
После ночного дождя	—
„Я в час мечты живу на Марсе...“	90
„Молчит седых небес орган...“	91
„Вы и вправду потерялись...“	92
„В войну морозы были лютыми...“	93
Белая симфония	94
„Идут по дороге обозы...“	95
„Плач гитары, плач над Обью...“	96
Тайна скорби	97
„Бездна жизненности во мне...“	98

„Загадочны нынче закаты...“	99
„Уходи скорей, вражда...“	100
„Что делать с нежностью души?...“	101
„Я помню, как ягоды рдели...“	—
Это поле	102
„Здравствуй, лес...“	103
„Пойду к отцовской роще дикой...“	—
Горизонт	104

ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

„Кругом снега...“	107
„Уходит в ночь вечерняя заря...“	108
„Я должен остаться собою в стихах...“	109
„Спешите говорить: — Люблю!...“	110
Чувство первой любви	111
Лариса	112
Гимн березовому соку	113
Бригантина	114
В Хортобадской степи	115
Вечерний Балатон	—
„Был Лермонтов ранен в опале...“	116
Рерих	117
Мятеж зодчих	118
„Все чаще зов звезды небесной...“	119
„Улыбка ребенка во сне...“	120
Приход Весны	—
Пасхальный день	121
Голубые дожди	122
„Меж сосен плавится огонь заката...“	123
Зло	—
Иуда	124
„Снимая казенную маску...“	125
Забытое кладбище	126
„От медной тучи — импульсы беды...“	127
В октябре	128

Золотой падун	128
„Ты разреши, Конда, согреться...“	129
„Никуда нам от сельских привычек не деться...“	130
Ночной сторож	132
Дума альпиниста	134
Гимн зеленому чаю	—
„После дождя в тот день весенний...“	—
Влюбленным	135
„Иду за стихами к лесному ручью...“	136
Осенний вальс	137
„В логу всегда поет ручей...“	138
„Нет шумней в селеньях вести...“	139
Идол-пришелец	141
Утро Достоевского	142
Старинный дом	143
„Осколок солнца в сердце у меня...“	144
Сны камня	—
„После распрей, ссор нелепых...“	145
„Загорелась звезда в изголовье...“	—
Могила Толстого	146
Одинокий поручик	147
„Пророки есть...“	148
„Мы все одиноки по-своему...“	149
„Поэту дан бунтарский склад души...“	150.
„Не веря назойливым временщикам...“	—
„Деянья наши — в траурной кайме...“	151
„Молчать в беду — грешно, нелепо...“	—
„Шлет импульсы тревожные свои...“	152
Песня детства	153
„Здесь я родился...“	154
Погоня	155
Исповедь человека, лишённого детства	156
„Бор кедровый, качание стволов...“	157
„Рдеют тучки над закатом...“	158
Березонька	159

„Снега, снега мои рѣдные...“	159
Спящая бабочка	160
„Вдыхаю запах сосняка...“	161
„Удивляюсь синей мгле...“	162
Гуманоид дед Егор	163
Холостяки	164
„Я сжег свои чувства вчера...“	165
„Я трогаю запах рябины рукой...“	166
Весенний этюд	—
Юча	167
„Роня слезы на ступени...“	168
Горе шестнадцатилетней	169
„Притворство женщин не от страха...“	170
Свадебные кони	171
„Шумят мои гордые сосны...“	172
Ослушник	173
В Хулоре	174
„Я сразу Черныша узнал...“	175
„Черные горные пчелы...“	176
Крымский этюд	—
„А при луне, как при свече...“	177
„Прошла — повеяло духами...“	—
Пожар рябин	178
„Незабываемое утро...“	179
Храм милосердия	180
„Есть у каждого край свой родимый...“	182
Встреча с родиной	183
Полевая межа	184
Шаим	185
Поэт	186
Ушли в подполье	187
„Сосновая роща далеко...“	188
К Неве	—
„Снежный февральский рассвет...“	189
Купола Тобольска	190

„Небесной манны, видно, ждешь...“	191
Вспоминая Рубцова	192
„Я каждый день хожу к заливу...“	193
„Ты всегда готов друзьям отдать...“	—
Рябиновый пир	194
На вершине	195
„Где же подлости мера, скажите...“	196
„Ради новых ошибок живу...“	197
„Паруса снимает с лодок осень...“	—
„Как быстро наплывают облака...“	198
Праздник грома	199

Издательство “Мария”

Тарханов Андрей Семенович

Пасхальный день

Сборник лирических стихотворений

Директор-издатель *С. Должков*

Главный редактор *В. Еремин*

Редактор *Б. Зуйков*

Художник *Л. Бирюков*

Технический редактор *И. Найденова*

Корректор *Т. Должкова*

**Административная группа: *С. Польской,
М. Аднагулов, И. Белоусова, А. Кончаков,
А. Кузнецов, Ю. Приказчиков, С. Старков***

**Сдано в набор 1.09.93. Подписано в печать 27.11.93.
Формат 70х90/32. Печать офсетная. Усл. п. л. 6,5.
Уч. изд. л. 6,8. Тираж 5000 экз. Цена договорная.
Заказ**

248542010

Государственная библиотека Югры

64

